

ЛЮДМИЛА ЗАРЕЦКАЯ

Визитка злой домоводницы

15 золотых правил,
которые
помогут вам
стать счастливой
в любви!

Правило № 1:
Хочешь
быть счастливой —
веди себя
как счастливый
человек.

ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Хозяйка своей судьбы

Людмила Зарецкая

Визитка злой волшебницы

«ЭКСМО»

2015

Зарецкая Л.

Визитка злой волшебницы / Л. Зарецкая — «Эксмо»,
2015 — (Хозяйка своей судьбы)

Инна Полянская, более известная под псевдонимом Инесса Перцева, была репортером от бога! Перцева обходилась редакции недешево, но громкие скандальные материалы выдавала с завидным постоянством. Даже ее собственный брак не обошелся без интриги: Инна тогда уволилась из газеты и устроилась посудомойкой в кафе Ледового дворца, чтобы привлечь внимание понравившегося ей хоккеиста!.. Вот и сейчас она взялась за острую тему – убийство исполнительного директора процветающей страховой компании «Берег». Богатый бизнесмен, женатый на молоденькой «вешалке», подцепленной на конкурсе красоты, расстрелян его сыном Глебом от первого брака – это первая полоса, как пить дать! Но постепенно холодный профессиональный интерес сменился искренним сочувствием: оказалось, Инна знала Глеба с детства, и теперь его убитая горем мать попросила журналистку доказать его невиновность...

© Зарецкая Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Людмила Зарецкая

Визитка злой волшебницы

© Зарецкая Л., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Замечательным журналисткам Юлии Лавровой и Ольге
Ильинской с любовью и благодарностью*

*Все герои и события вымышлены. Все совпадения абсолютно
случайны.*

Глава 1

Топчемся на месте преступления

С мужчинами очень легко справиться: вы обращаетесь с ними хорошо – они ведут себя правильно; вы не обращаетесь с ними хорошо – они не ведут себя правильно.

Лора Шлессингер

Н-да, труп-то совсем свежий. Только-только заказали, даже остыть не успел.

Типичный висяк, конечно, зато посмотреть приятно. Не то что, бывает, пришьют жмура как попало: у него и воротничок набок сбился, и волосы в разные стороны, и ботинки грязные – смотреть противно! А этот – нет: рубашка белая, пальто кашемировое, ботиночки из крокодиловой кожи сверкают, кольцо на пальце – бриллиант 0,7 карата, белое золото, 984-я проба. Сразу видно, что не Турция какая-нибудь, а нормальное, цивилизованное, человеческое «Картье»... Н-да, с таким мужиком не стыдно на людях показаться... было.

Так или примерно так рассуждала про себя журналистка Инна Полянская, более известная под псевдонимом Инесса Перцева, тридцати четырех лет от роду, переминаясь с ноги на ногу на скрипящем утреннем снегу рядом с трупом неизвестного ей мужчины.

Пока, конечно, неизвестного. Инна была абсолютно уверена, что через час-полтора будет знать о потерпевшем все, включая то, что было тайной за семью печатями для жены, любовницы и налоговой инспекции.

Талант добывать информацию у Инны был заточен до высшей степени профессионализма. Она была репортером «от бога» и отлично знала себе цену, к немалой досаде главного редактора областной газеты «Курьер» Юрия Гончарова. Перцева обходилась редакции недорого, но и громкие скандальные материалы выдавала «на гора» с завидным постоянством.

Ее хватало и на репортажи с места событий, и на мудреные экономические обзоры, и на описания светской жизни города, и на рекламные статьи. Но главной, непреходящей ее любовью была «криминальная хронь». Так любовно называла она результат своей горячей дружбы (местами переходящей в страсть) с органами правопорядка.

Ноги в тонких замшевых сапожках с модными круглыми носами отчаянно мерзли. Но Инне даже в голову не приходило проявлять по этому поводу хоть малейшее недовольство. Еще бы, ведь перед ней был свежий труп, на который ее полчаса назад дернули ребята из первого отдела! Судя по кашемировому пальто, крокодиловым ботинкам и «Картье», мерзла она не впустую.

Искоса наблюдая за тем, что на языке оперативников называется следственными действиями, Перцева прикидывала, кем может оказаться убитый. Никакого передела собственности в городе вроде бы не наблюдалось, бандитских разборок тоже. Поэтому личностью лежащего перед ней мужчины она была до крайности заинтригована.

– Ну чего там, Вань? – нетерпеливо окликнула она капитана Бунина, на дежурство которого выпало это любопытное убийство.

– Инка, отстань, а, – жалобно откликнулся капитан, хорошо осведомленный о перцевской настырности. – Будешь мешать, вообще ничего не скажу.

– Поду-у-умаешь, не скажет он! Напугал, – фыркнула Инна. – Вытащили девушку из дома в девять утра. А сегодня воскресенье, между прочим.

– Да кто тебя тащил, заполошная? Сама же за нами увязалась. И не дави на жалость. Скажешь тоже, воскресенье... У таких ведьм, как ты, выходных не бывает. Думаешь, я не знаю, что тебе газету завтра сдавать? Не дашь ведь теперь мне покою, – Бунин горестно покачал головой.

– Ну Ванечка, ну миленький! – в голосе Инны появились хныкающие интонации. – Ну не обижай девушку, будь человеком!

– Кто тебя обидит, тот трех дней не проживет, – пробурчал Бунин, но все-таки подошел к ней поближе. – Записывай давай, вредина. Все равно ведь не отстанешь. Во внутреннем кармане пальто убитого лежат права на имя Карманова Алексея Леонидовича...

– А на фотографии он? – живо поинтересовалась Перцева.

– Он. И не прерывай меня, пожалуйста. Кроме того, в визитнице белого металла найдены визитные карточки с тем же именем. Судя по ним, погибший работал коммерческим директором страховой компании «Берег».

– Знаю такую. И фамилия смутно знакомая.

– Вот и отлично. Остальное сама найдешь.

– Найду, Вань, – благодарно кивнула головой Инна. – Поеду, пожалуй. Я уже все сфотографировала.

– В семью пока не суйся, – предупредил ее Иван. – Я ведь тебя знаю, ты к жене его через полчасика явишься, чтобы узнать, стирал убиенный себе носки или нет.

– В семью завтра, – согласилась Инна. – Сегодня на работу. Думаю, часика через два. Вы к тому моменту управитесь?

– Нахалка, – проворчал Бунин. Впрочем, на Инессу Перцеву он не сердился. Она была близкой подругой двух замечательных дам, с которыми ему довелось познакомиться в уходящем году. Да и в профессионализме ей не откажешь, а это качество Иван ценил в людях превыше всего. Помахав ей на прощание, он снова вернулся к труп.

Инна поехала на работу. Там ее ждали интернет и телефон, с помощью которых она собиралась быстро нарыть максимум информации о покойном Карманове, а также кофе и коньячная заначка, припрятанная от коллег в обувном шкафчике, что, учитывая пятнадцатиградусный мороз, было совсем нелишним.

Сдувая горячую пену с одуряюще пахнущей чашки, она сосредоточенно тыкала пальцем в телефонные кнопки. По мере того, как на другом конце провода менялись собеседники, лежащий перед Инной лист бумаги покрывался стенографическими значками, стрелочками, одной лишь ей понятными обозначениями.

Примерно через час Инна уже держала в руках распечатанную на принтере объективку, в которой было систематизировано все, что ей удалось узнать о погибшем.

Карманов Алексей Леонидович. Образование высшее инженерное. Работал главным инженером строительного треста, потом подался в бизнес. Вначале строительный, после – страховой. В фирму «Берег» пришел около десяти лет назад. Коммерческий директор, фактически второе лицо в компании. Славился умением заключать выгодные договоры по страхованию автомобилей и недвижимости. В основном работал с юридическими лицами: банками, автомобильными салонами, крупными торговыми центрами. Женат второй раз. От первого брака остался взрослый сын. Второй жене всего 28 лет. Она победительница городского конкурса красоты, который Карманов спонсировал. Во втором браке детей нет. Увлекался типично мужскими «игрушками» – машинами, охотой, баней. В связях с криминалом замечен не был. Неприятностей с законом не имел. Фирма «Берег» значится в числе законопослушных налогоплательщиков. Активно занимается благотворительностью.

Ниже значился адрес фирмы «Берег» и мобильный телефон его директора Антона Сергеевича Головки.

– Черт, почему фамилия знакомая? – думала Инна. – Про «Берег» я, конечно, слышала, но дел с ними никогда не имела, так что их коммерческого директора знать не могу. Но фамилию его откуда-то знаю. Ладно, выяснится.

Прикинув, что по всем подсчетам Бунин со товарищи должны уже покинуть офис фирмы, Инна закрыла файл с данными на Карманова, не сохраняя его (у главного редакционного кон-

курента Генриха Стародуба была подлая привычка шарить в ее компьютере), аккуратно убрала листок с объективкой в сумочку, подкрасила губы и с удовольствием посмотрелась в зеркало.

Свое отражение Инна Перцева любила. Миниатюрная шатенка (метр пятьдесят пять с тапками, 49 килограммов, 42-й размер), она красила волосы в огненно-рыжий цвет, который как нельзя лучше подходил к ее любознательности и подвижности. На вопрос своего второго мужа, бывшего хоккеиста, а ныне удачливого бизнесмена Гоши Полянского: «И что я в тебе нашел?», который он задавал с горестной периодичностью, Инна всегда отвечала одинаково: «Ум, красоту, жизненный опыт, плюс характер».

Уж чего-чего, а последнего в ней точно было с избытком. Гошу с его ста восьмьюдесятью сантиметрами роста, ста шестью килограммами веса и пятистами тысячами ежемесячного дохода она крепко держала в кулаке, лишь иногда отпуская на свободу поразмяться. Впрочем, даже во время регулярно случающихся Гошиных загулов с очередной блондинкой с пятым размером груди поводок все равно оставался натянутым. Вопрос «Кто в доме хозяин?» в их семье был решен сам собой уже очень давно.

Решительную Инну Гоша слегка побаивался с тех самых пор, как она разыграла сложную многоходовую комбинацию, в результате которой они и оказались женаты. Это случилось восемь лет назад. Инна тогда придумала, что ее шестилетняя дочка Настя должна стать знаменитой фигуристкой, и отдала ее в секцию фигурного катания.

В Ледовом дворце она и увидела Гошу, судьба которого была решена с первого взгляда. Инна уволилась из газеты и устроилась посудомойкой в кафе дворца. Между тренировками спортсмены ходили туда обедать. Тщательно протирая столы и лавируя между ними с подносами грязной посуды, она ловко вертела попой в мини-юбке, привлекая Гошино внимание.

Яркая стройная красавица, смотревшая влюбленными глазами, естественно, понравилась главному донжуану команды, лучшему защитнику Георгию Полянскому. За время их тайного романа Инна успела развестись с мужем-одноклассником, чтобы не мешал. Тот даже не понял, какая муха ее укусила.

К тому моменту, как разъяренная Гошина жена застучала их в постели, Инна уже была совершенно свободна, как и ее квартира, куда тем же вечером Гоша перевез свои вещи, поскольку его выгнали из дома. Вернуться туда ему уже было не суждено. Он так и не узнал, что звонок его первой жене организовала предприимчивая любовница. С того дня она решала и все остальные его бытовые проблемы. С Инной было отлично в постели и удобно по жизни, поэтому после развода Гоша не имел ничего против того, чтобы во второй раз послушать марш Мендельсона.

Подростая Настя никаких проблем не доставляла. С собственным сыном ему встречаться не запрещали. На походы «налево» смотрели сквозь пальцы. Давали весьма полезные советы по управлению крупным торговым центром, который Гоша возглавил благодаря Инниним же связям, после того как вышел на хоккейную пенсию. В общем, своей семейной жизнью Полянский был доволен и жену искренне любил.

Инна же после восьми лет совместного обитания с Гошей относилась к нему как к завоеванному в нелегкой борьбе трофею. Страсть к мужу, которая толкнула ее на столь решительные действия, давно прошла. Привычка и легкая ностальгия по утраченному безумству остались. Верность мужу Инна не хранила, но свои интрижки предпочитала держать в секрете, чтобы не ущемлять Гошино мужское самолюбие. В общем, они прекрасно ладили.

Бросив последний взгляд в зеркало, Инна накинула дубленку, подхватила сумочку в одну руку, ключи от машины в другую и решительно отправилась в офис страховой компании «Берег».

Глава 2

То ли девушка, то ли виденье

*Лучший способ заставить мужчину сделать что-либо –
намекнуть ему, что он уже староват для таких дел.*

Ширли Маклейн

Антон Сергеевич Головкин пребывал в растрепанных чувствах. То, что его «правая рука» будет воскресным утром расстреляна из автомата, в его планы никак не входило. То есть совершенно.

Прекрасно разбираясь в бухгалтерской отчетности и страховых выплатах, он четко знал, что работа с клиентами – его слабое место. Клиентскую базу вел Карманов. Именно он поставлял страховой компании «Берег» самые жирные, самые лакомые куски рынка. Агенты, приносящие в клювике рыбку помельче, тоже находились в кармановском подчинении, поэтому, что делать дальше, Антон Сергеевич представлял слабо.

Ситуация осложнялась тем, что с нового года компания собиралась выбросить на рынок новые пакеты страховых услуг. Всю работу по ним курировал также Карманов. Акционеры, перед которыми они каждый год отчитывались о проделанной работе, ждали этого, как всегда, сразу после январских праздников. Головкин понимал, что к назначенной дате, до которой оставалось меньше месяца, он должен будет сформулировать свои предложения по новым продуктам. Но никаких идей у него не было.

«Вот ведь сволочь, так подставил! – думал он о погибшем Карманове, как будто тот своими руками заказал собственное убийство. – А я тоже хорош! Лешка же мне всю плешь проел, чтобы я выслушал, что он придумал. А я все отмахивался, лень мне было, идиоту. Попляшу теперь... Хрен мне, а не Новый год на Филиппинах! Галка, конечно, орать будет, ну да это неважно. Сейчас главное – роту не обосрать».

Горестные мысли, впрочем, не мешали ему гладко и связно отвечать на вопросы сидящего напротив капитана, сообщившего ему о смерти Карманова и вызвавшего в офис, несмотря на выходной день. До Головкина не сразу дошло, что эти вопросы имеют весьма неприятный подтекст.

– Послушайте, – заволновался он, когда суть разговора все-таки пробила в затуманенный бизнес-проблемами мозг, – я хочу сделать официальное заявление, что гибель Алексея не имеет никакого отношения к компании «Берег».

– Ну, это не вам решать, – заметил капитан.

– Нет-нет, я вам совершенно точно говорю! – Головкин даже начал заикаться от праведного гнева. – У нас совершенно белое, легальное предприятие. Мы не уходим от уплаты налогов, не проворачиваем темные делишки и даже зарплату в конвертах не платим. Лешина смерть не связана с бизнесом.

– А с чем она связана, с его личной жизнью, что ли? – капитан насмешливо посмотрел на Головкина. – Так его не ножом из ревности пырнули. Его расстреляли из автомата. Если вам это о чем-нибудь говорит.

– Мне это ни о чем не говорит! – запальчиво крикнул Головкин. – А что касается автомата... – он замялся.

– Ну, говорите, раз начали.

– Видите ли... Алексей очень увлекался оружием. Собирал его. У него лицензии были на два охотничьих ружья, пистолет Макарова, газовый пистолет, ну и так, по мелочи. А четыре года назад у него был юбилей, и мы подарили ему автомат.

– Что вы ему подарили? – ошарашенно спросил капитан.

– Автомат. Израильский. «Узи». Короткоствольный. Ему очень хотелось иметь автомат, и мы его купили. Неофициально.

– Ага, то есть на автомат у вашего законопослушного друга лицензии не было, – уточнил Иван Бунин.

– Не было, – покаянно кивнул Головки. – Но он с ним очень аккуратно обращался. В машине не возил. Хранил дома, в специальном сейфе. Ему сам факт обладания был важен, понимаете?

– Нет, не понимаю...

– Ох боже ты мой, что же тут непонятного? Ему очень хотелось иметь именно автомат.

– Хорошо, что не гранатомет, – вздохнул Бунин. – Вот вам бумага, садитесь и пишите, где, с кем и при каких обстоятельствах вы его приобрели, как он выглядел, где хранился.

– Конечно-конечно, – закивал Головки, – я все напишу. Вам обязательно надо проверить, на месте ли оружие. Это очень важно.

– Почему, извольте полюбопытствовать?

– Видите ли... – Антон Сергеевич снова замялся. – У Алексея есть сын от первого брака. Он поздний ребенок, очень избалованный... Ему нелегко дался развод родителей, а Алексей чувствовал свою вину и потакал всем прихотям сына. В общем, все это плохо кончилось. Парень подсел на наркотики. Постоянно цыганил у отца деньги. Алексей пытался проявить строгость... В общем, если автомата на месте нет, то этот парень – первый, кого бы я заподозрил.

– Что ж, мы обязательно это проверим, – согласился Иван, – а пока напишите на отдельном листе бумаги обо всех крупных контрактах, которые подписывались в «Береге» в последнее время. Мне хотелось бы знать, чем занимался Алексей Леонидович, более подробно.

– Хорошо, – пожал плечами Головки. – Но предупреждаю, что вы только зря теряете время.

Часа через полтора терзавшие его блюстители закона наконец-то покинули офис. Мучимый жуткой головной болью, Антон Сергеевич большими глотками влил в себя полстакана водки и упал в кресло. Он понимал, что ему нужно, как можно быстрее, доложить хотя бы одному из учредителей, но никак не мог заставить себя это сделать.

Перед глазами стояла мутная красная пелена. Сквозь нее вяло и неубедительно просвечивало декабрьское солнце. В его лучах Головки вдруг увидел молодую, довольно симпатичную женщину, которая шагала к нему через кабинет.

– С ума схожу, что ли? – испуганно подумал он. – Видения какие-то начались. На почве стресса, наверное.

– Здравствуйте, Антон Сергеевич, – решительно заговорило видение, и Головки помотал головой, чтобы скинуть наваждение. Девушка не исчезала, и он наконец понял что она и впрямь перед ним стоит.

– Вы кто? – пробормотал он с облегчением.

– Меня зовут Инесса Перцева, я заместитель главного редактора газеты «Курьер». Можете ли вы уделить мне несколько минут?

– Нет, не могу, – отчаянно затряс головой Головки. – Мне сейчас не до разговоров с прессой.

– Понимаю, – покладисто согласилась женщина. – Но, видите ли, уважаемый Антон Сергеевич, – ее голос понизился до интимного шепота, – к нам в редакцию был звонок. Руководству отчетливо дали понять, что заинтересованы в том, чтобы вокруг убийства вашего заместителя было поднято как можно больше шума.

– Кто заинтересован, зачем? – переполошился Головки.

– Откуда я знаю? Может, конкуренты, – Инна пожала плечами. Разумеется, телефонный звонок был ее вымыслом, но, добывая информацию, она никогда не гнушалась мелким вра-

нем. – Мне же кажется несправедливым, если в статье не будет отражена ваша точка зрения. Да и правоохранительные органы, с которыми я очень тесно сотрудничаю, – она сделала многозначительную паузу, – тоже наверняка оценят, что вам нечего скрывать.

– Ну хорошо, хорошо, – устало пробормотал несчастный Головко. – Что вы хотите узнать?

Он и сам не заметил, как рассказал хрупкой женщине, которая, сидя напротив него, сочувственно качала головой, все, что знал об Алешке Карманове. Инна аккуратно и быстро записывала информацию в блокнот. В голове у нее уже складывались первые строчки будущей статьи.

Житейская история получалась просто отменная. Богатый бизнесмен, женатый на молодой «вешалке», подцепленной на конкурсе красоты, расстрелян наркоманом сыном от первого брака из незарегистрированного израильского автомата – это первая полоса, как пить дать!

Будет что пообсасывать кумушкам-домохозяйкам, которые в очередной раз возьмутся обсуждать «их нравы», а потом вновь придут к утешительному выводу, что «богатые тоже плачут»!

Скупленный тираж завтрашнему номеру обеспечен. Редактор будет доволен, а Стародуб лопнет от злости. Так ему и надо, уроду!

На этой жизнеутверждающей мысли Инна захлопнула блокнот и ласково улыбнулась Головко:

– Антон Сергеевич, скажите честно, в вашей компании происходило что-нибудь, способное закончиться убийством вашего заместителя?

– Что вы! – испугался ее собеседник. – Я уж и органам так сказал. У нас абсолютно легальный бизнес!

– Ну, может быть, назрела какая-то крупная разовая выплата, которую вы отказались платить?

– Нет-нет, что вы! «Берег» всегда славился своевременными выплатами. Мы очень быстро собираем все необходимые документы и выдаем любую сумму день в день. У нас ни разу не возникло ни одного конфликта с клиентами, ни одного судебного иска! Да что далеко ходить, на прошлой неделе мы выплатили страховку в размере трех миллионов рублей. У одного из наших клиентов сожгли «Лексус». И ничего.

– Сожгли «Лексус»? – быстро переспросила Инна, которая точно помнила, что по сводкам ничего подобного не проходило. – А когда это было?

– Меньше месяца назад, – благодушно улыбнулся Головко. – Мы за неделю все оформили, и клиент уже получил деньги.

– А кто клиент?

– Девушка, милая, ну вы же сами понимаете, что это коммерческая тайна.

– Хорошо, не буду настаивать, но взамен у меня к вам просьба. Позвоните, пожалуйста, жене Карманова, попросите ее со мной поговорить в интересах фирмы.

– Да-да, – засуетился бизнесмен, – конечно, сейчас.

Достав из кармана мобильник, он затыкал пальцем в кнопки и через мгновение зарокотал в трубку приятным баритоном:

– Наташенька, это я, Антон. Не говори, такое горе, такое горе! Ты уж держись, Наташенька. Сама понимаешь, с похоронами мы тебя не оставим. Следователи ушли? А что сказали? А автомат нашли? Нет? Так я и думал. Да, я им сказал, что это он сделал. А Лешка все с ним носился, лечил его, мерзавца! Натусик, к тебе сейчас женщина приедет. Журналистка. Из газеты. Ты уж поговори с ней. А то конкуренты тут же засуетились. Хотят на нашем горе нажиться. Шакалы. Поговори, Натусик. Нам эта статья совсем не мешает. Наоборот даже. Нам ведь скрывать нечего. Спасибо, солнце!

– Наталья Ивановна вас ждет, – сказал он Инне, отключившись от собеседницы.

– Очень хорошо, адрес подскажете?

– Да, конечно, проспект Победы, 37, квартира 34.

Искренне поблагодарив Антона Сергеевича, который оказал ей воистину неоценимую помощь в работе над статьей, Инна унеслась по названному адресу. Спустя два часа, уютно устроившись на диване в квартире своей лучшей подруги Алисы Стрельцовой, жившей неподалеку от Карманова, она со вкусом рассказывала про его убийство, а также про свой визит к его вдове.

– Инка, ну зачем ты к ней полезла? – укоризненно посмотрела на подругу Алиса. – Тебя же Иван по-человечески просил оставить ее сегодня в покое. У человека такое горе, мужа убили. А тут ты со своим репортерским зудом!

– Да брось ты! – Инна беспечно махнула рукой. – Подумай сама, бывшая модель, победительница конкурса красоты, шесть лет назад увела богатого папика из семьи, окрутила, женила на себе, и что? Живет в золотой клетке. Даже нет, не в золотой, в позолоченной. Не работает, мужиков нормальных не видит, папику 54 года как-никак. Да она радоваться должна, что он ласты склеил! И оставил ее, молодую, красивую и с наследством!

– Ужас какой! – всплеснула руками Алиса. – Как можно так рассуждать?

– Так я ведь права оказалась. Вдовица на убитую горем никак не тянет.

Открывшая ей дверь Наталья Карманова действительно была мало похожа на женщину, у которой сегодня утром убили мужа. В свои 28 лет она сохранила прекрасную фигуру бывшей модели, однако лицо ее уже утратило первую свежесть, несмотря на то что женщина явно за собой ухаживала.

Попросившись помыть руки, Инна профессиональным взглядом окинула тюбики и флакончики, стоящие на зеркале в ванной. Ester Lauder, Vichy, Lierak и недавно вошедший в моду российский крем, активно рекламируемый по центральному телевидению Яной Батуриной. Инна презрительно наморщила нос. Сама она пользовалась мало кому известной, но жутко дорогой японской линией Shu Uemura, которая продавалась только в Москве.

Общее убранство квартиры Инне тоже не понравилось. Ремонт дорогой, но какой-то пошлый, с лепниной на потолке и гипсовыми херувимами по углам. Перегородки снесены, но ощущения большого пространства все равно не возникает. Слишком много этажерок, шкафчиков, полочек и шкафулочек наткано по углам.

На Кармановой были джинсы со стразами, что заставило Инну еще раз пренебрежительно наморщить нос, розовые шлепанцы на шпильке с меховым помпончиком спереди, тугая, открывающая высокую грудь майка. Инна представила, как старательно отводил от этой груди глаза капитан Бунин, и тихонько засмеялась про себя.

Налив гостею чаю, вдова расположилась на низеньком, очень неудобном диване и, жеманно округляя гласные, сказала:

– Я вас внимательно слушаю.

Чашку она держала двумя пальцами, оттопырив мизинец, и эта маленькая деталь вкупе с мешанским убранством квартиры и стразами помогла Инне вынести окончательный диагноз: «Слащавая дура с деньгами и полным отсутствием вкуса».

Уходя от Кармановой, она была совершенно убеждена, что та не имеет ни малейшего отношения к смерти мужа. Свой брак Наталья считала редкостной удачей, благодаря которой могла воплотить в жизнь заветные мечты о роскоши, а также не заботиться о хлебе насущном. Мужа она не любила, однако по-своему относилась к нему хорошо.

– Интересно, есть у нее любовник или ей лень с ним валандаться? – думала Инна, наслушавшись сентенций о смысле жизни. – Наверное, нет. Ей и так совсем не скучно. Сериалы, фитнес два раза в неделю, солярий, маникюр, парикмахерская, массаж... То, что у красавиц поумней вызывает тоску и раздражение, этой за шесть лет растительной жизни совершенно

не приелось. Господи, и как покойный с ней жил? Она же, как в анекдоте, щебечет, щебечет, щебечет... Дура.

Впрочем, версию наличия любовника и связанного с этим убийства Инна со счетов сбрасывать не стала, а записала в блокнот отдельной строчкой. В конце концов, поведение Кармановой могло оказаться всего лишь игрой. Как бы то ни было, после смерти мужа она оставалась владелицей всего этого мещанского великолепия. Совершенно свободной владелицей.

Наталья нащебетала Инне и о пропавшем автомате, и о мерзавце-пасынке, на лечение которого от наркотической зависимости муж совершенно бездумно швырял немалые деньги вместо того, чтобы оплатить ей поездку на Мертвое море (там уникальные грязи, ну вы же понимаете, от них лицо делается совершенно фарфоровым).

Адреса пасынка она Инне не дала, потому что не знала. Перцеву это не удивило. Полное отсутствие интереса к кому бы то ни было, кроме себя любимой, очень точно соответствовало тому представлению о Кармановой, которое у нее уже сложилось.

Взяв с разрешения вдовы несколько фотографий из семейного архива, она вежливо попрощалась.

– Не может быть, чтобы ей было его совсем не жалко, – недоверчиво сказала Алиса, выслушав отчет подруги о проделанной работе. – Она ведь с ним шесть лет прожила.

– Да жалко ей его, жалко! – согласилась Инна. – Мужик был хороший. Замуж взял, опять же. Но плакать по нему она не будет. От этого кожа под глазами сохнет, как тебе известно. Она пребывает в некоторой растерянности, потому что надо предпринимать хоть какие-то усилия по организации похорон. Да и решать, как жить дальше. Поэтому на данный момент ей себя гораздо жалче, чем его. Но тоже не особенно, потому что она привыкла, что все проблемы как-то решаются. И эта решится. Ладно, спасибо, что накормила, грех было не зайти, раз уж я практически в соседнем доме оказалась. Побегу. Мне еще ужин готовить. Полянский вчера сожрал все запасы.

– Надо бы на неделе собраться, Новый год обсудить, – напомнила Алиса. – Две недели всего осталось, а мы в каком-то полуразобранном состоянии пребываем.

– Соберемся, – кивнула Инна. – Завтра отпишусь в номер, и во вторник готова думать про Новый год.

Заскочив в супермаркет, она набрала полную тележку продуктов. Прикидывая в уме меню на два ближайших дня (в понедельник выходит газета, и готовить будет совершенно некогда), она медленно шла вдоль полок, скользя глазами по банкам и пакетикам.

Сегодня на ужин она собиралась сделать свою знаменитую лазанью, а также испечь тарталетки со шпротным паштетом вместо салата. А на завтра планировала оставить Гоше и Насте «бриллиантовые» куриные окорочка. Для этого их нужно было через шприц наполнить топленым молоком, обвалить в сыре, завернуть в слоеное тесто и, обжарив на оливковом масле, запечь в духовке. Готовить Инна обожала, и чем сложнее был рецепт, тем больший душевный подъем она испытывала.

Кулинарные раздумья прервал телефонный звонок. На дисплее возникла надпись «Таракан», и Инна невольно усмехнулась. Это неприятное прозвище ее подруга Алиса при первом знакомстве дала капитану Ивану Бунину.

Сегодня они обе признавали, что Ванька – замечательный парень, однако, записывая его телефон в мобильник, Инна из вредности внесла его туда под обидной кличкой.

– Слушаю, Вань, – мелодично пропела она в трубку, придиричиво разглядывая пачку с замороженным слоеным тестом.

– Я решил, что тебе интересно будет, – проговорил голос в трубке. – Мы убийцу кармановского задержали только что.

– Сына? – лениво уточнила Инна. – И автомат нашли?

– Знаешь уже! – крикнул Иван. – И как это тебе только удастся? Да. Сына. Парень совершенно ничего не соображает. Обколотый весь. В гараже и автомат нашли с пальчиками.

– Тот самый «Узи»?

– Да, тот самый. В общем, Глеб Алексеевич Карманов, 17 лет, задержан по подозрению в убийстве, сидит сейчас у нас. Приезжай, если хочешь.

– Как ты сказал? – прошептала Инна, и пачка с тестом выпала у нее из рук прямо на кафельный магазинный пол. – Глеб Алексеевич? Глебушка Карманов?

Глава 3

Детская неожиданность

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ненависть.
Регина Бретт

Маленького Глеба никто и никогда не называл иначе чем Глебушкой. Ему было около пяти, когда случайно встреченный на улице знакомый, увидев перепачканное мороженым личико, выглядывающее из-под материнского подола, спросил: «А это что за чучелко-подчучелко?»

– Я не чучелко, я Глебушка Карманов, – серьезно ответил мальчуган, и фраза пошла «в народ».

Мама Глебушки Светлана Николаевна работала в библиотеке вместе с мамой Инны. Они были почти ровесницы – тоненькая темноволосая Татьяна и пышногрудая крутобедрая блондинка Светлана. У каждой была своя беда. Муж Татьяны Борисовны бросил ее, когда Инне исполнилось четыре года. Растить ребенка одной на скромную зарплату библиотекаря было невероятно трудно. Татьяна Борисовна частенько залезала в долг к коллеге, муж которой работал начальником в какой-то строительной конторе. В деньгах семья не нуждалась.

Светлана Николаевна, казалось, была счастлива в браке, но ее потаенной болью стало отсутствие детей. На забегавшую в библиотеку Инну она всегда смотрела с болезненным любопытством. Инна отвечала ей тем же, ведь у маминой приятельницы были удивительные заграничные наряды: длинное шелковое платье цвета морской волны, норвежский свитер с модными ромбиками, дорогой изумрудный гарнитур – кольцо с серьгами, браслет с рубинами, настоящий бриллиант в кулоне.

Инна училась в девятом классе, когда пришедшая с работы мать сообщила с порога потрясающую новость:

– Светка ребенка ждет! Ты представляешь, столько лечилась, столько слез пролила... Все впустую. Она уж и надеяться перестала. И вот, на тебе! Она сначала и значения не придавала, думала, нарушения цикла. Потом живот расти начал, она испугалась, что опухоль. В общем, пятый месяц уже. В октябре рожать.

– Здорово, – обрадовалась тогда Инна. – Только страшно. Жили-жили без ребенка, куда уж весь уклад менять, ей же сорок почти.

– Не сорок, а тридцать семь. Страшно, конечно, но ты не представляешь, как она рада.

Впервые Инна увидела Глебушку, когда тому уже исполнилось полтора года. Светлана Николаевна вышла на работу, а Инна как раз вернулась из Иркутстка, где полгода проучилась на факультете журналистики. Конкурс там был меньше, чем в Москве, вот только жестокости сибирских морозов Инна не учла.

В своей тоненькой зимней курточке на рыбьем меху она продержалась ровно до зимней сессии, а потом забрала документы и махнула домой. До вступительных экзаменов на факультет иностранных языков она по утрам работала санитаркой в больнице, а вечерами мыла полы в маминой библиотеке.

Сюда же в вечернюю смену Светлана Николаевна после детского сада приводила Глебушку. Удивительно спокойного, а главное – очень красивого ребенка. Ему было три, когда у Инны родилась Настя.

Совмещая воспитание дочки с учебой в институте, она частенько закидывала коляску с Настей к маме на работу, где дочка спала между книжными стеллажами. Рядом крутился и Глебушка.

Инна умилялась тому, как сильно он был похож на маленького героя детского фильма про Красную Шапочку. Того самого, которому пелась песенка: «Грибы, орехи собирать умеешь? Нет, не умею. От крокодила убежать успеешь? Нет, не успею. Так как же мы тебя спасем?» Он был такой же круглолицый, розовощекий, с длинными кудрявыми волосиками, падающими на плечи красивой волной.

В восемь лет он напоминал ей Маленького принца. У него из-под ресниц так же лился внутренний свет. В общем, мальчик был просто чудесный. Потом Инна окончила институт, начала работать в газете, развелась с мужем и вышла за Гошу. В маминой библиотеке она бывать перестала и Глебушку за все эти годы ни разу не видела.

Лет шесть назад мама как-то обмолвилась, что Светлану бросил муж и Глебушка очень переживает. Вот и все.

Сейчас Глебушке, по всем подсчетам, выходило семнадцать. Представить Маленького принца с исколотыми руками Инна никак не могла, как ни пыталась. С автоматом «Узи» в руках, стреляющим в собственного отца – тем более. Трясущимися руками она набрала мобильный телефон матери.

– Мама, – начала она, забыв поздороваться, – скажи мне, Светлана Николаевна Карманова по-прежнему в библиотеке работает?

– Конечно, куда же ей деться? – вздохнула мать.

– Мама, а ты знаешь, что Глебушка – наркоман?

– Знаю, – мать вздохнула еще горше. – Он где-то с год назад приходил к Свете деньги кланчить. Она потом так плакала, что у меня сердце разрывалось. Тогда и сказала, что он не по той дорожке пошел. Все мужа винила, что это он из-за него из-под контроля вышел. Я уж потом не спрашивала ничего, чтобы душу ей не бередить. Правда, она недавно сама обмолвилась, что парня вроде вылечили. В какую-то хорошую московскую клинику отец возил.

– Ой, мама, бывших наркоманов не бывает, – сказала Инна. – Ты их домашний адрес знаешь?

– Знаю, они ж из своей старой квартиры никуда не переезжали. Лермонтова, 25, квартира 107. А тебе зачем?

– Надо, мамуля, – вздохнула Инна. – У твоей Светланы Николаевны беда случилась. Глебушка сегодня утром убил своего отца. Давай к ней съездим вместе.

– Да ты что? – ахнула мать, и Инна явственно увидела, как она в своей квартире схватилась за сердце. – Господи, горе-то какое! Конечно, поехали. Как же Света там одна, бедная! Она же не переживет...

– Одевайся, я сейчас за тобой заеду.

Тележка с продуктами осталась сиротливо стоять посреди супермаркета. Забыв и про лазанью, и про тарталетки, и про «бриллиантовую» курицу, Инна Полянская пронеслась к выходу.

Она ужаснулась внешнему виду Светланы Николаевны, молча открывшей им дверь и понуро удалившейся куда-то в глубь большой, некогда роскошной квартиры. Сейчас квартира выглядела облезло, как любое жилье, давно не видевшее ремонта. Чешская, некогда жутко модная и дорогая стенка, страшный дефицит, достать который можно было только по большому благу, морщилась потрескавшимся лаком. В книжных полках не хватало стекол.

Светлана Николаевна, которой было пятьдесят четыре года, так же как погибшему бывшему мужу, выглядела минимум на семьдесят. Нечесанные седые волосы неопрятными лохмами свисали вдоль осунувшегося серого лица с черными провалами на месте глаз. Ссутулившиеся плечи лишили фигуру былой статности. Инну поразило, что мамина приятельница, которую она помнила жизнерадостной толстушкой, похудела размеров на шесть.

– Она давно такая тощая? – тихонько спросила она у матери.

– А как Алексей их бросил, так и похудела на нервной почве. А потом с чего поправляться было, когда от Глебушки одни неприятные сюрпризы посыпались?

– Мам, ты иди, найди ее, – попросила Инна, увидев, что мать нерешительно топчется в коридоре. – Я пока чайник поставлю. Ей, наверное, поесть надо. Я кофе сварю, и поговорим.

Светлана Николаевна на кухню пришла и даже согласилась поесть. Кусочки колбасы, найденной Инной в холодильнике, она отправляла в рот механически и глотала, практически не жуя. На ее застывшем лице не отражалось никаких эмоций. Вот только слезы текли, не останавливаясь, и капали в чашку с горячим чаем. Татьяна Борисовна жалостливо гладила ее по голове.

– Ты ведь Инна? – вдруг спросила женщина, вперив в Полянскую страшные мертвые глаза.

– Да. Видать, не сильно изменилась, если вы меня узнали после стольких лет.

– Зато я изменилась, верно? – невесело усмехнулась Карманова. – Ну да что о том говорить. Татьяна сказала, ты в газете работаешь? Я ведь даже статьи твои читала. Бойко пишешь. Молодец, воплотила-таки в жизнь детскую мечту. Ты всегда такая была, боевая. С детства я за тобой наблюдала. Вот что, Инна, ты должна мне помочь.

– Конечно, Светлана Николаевна, – согласилась Инна. – Я ведь в правоохранительных органах многих знаю, так что если Глебушке передачу отнести надо, то я помогу, чтобы вы в очередях не стояли.

– Да я не о том, – Карманова досадливо махнула рукой, словно сетуя на Иннину бестолковость. – Понимаешь, девочка, Глебушка ведь не убивал, но настоящего-то преступника никто искать не станет, когда готовый супостат под руками. Спишут все на него, на зайчика моего маленького. А он ведь такой беззащитный. Добрый, ранимый. Не вынесет он там, в тюрьме. Помоги, Инночка, прошу тебя, помоги! Хочешь, на колени перед тобой встану?

– Да что вы, Светлана Николаевна! – Инна с Татьяной Борисовной бросились поднимать несчастную мать, которая и впрямь бухнулась на колени. – Почему вы считаете, что Глебушка тут ни при чем?

– Не мог он убить, – Карманова убежденно затрясла головой. – Или я сына своего не знаю? Он же с детства боялся ненароком кого-то обидеть, боль причинить. Над раздавленными жуками плакал. Он и сейчас такой. И отца он боготворил. Чтобы Глебушка Алешу из автомата... Да не могло этого быть, никак не могло!

– Но, говорят, на автомате отпечатки его пальцев, – осторожно заметила Инна, – а сам Глебушка не может ничего объяснить, потому что... – она замялась, подыскивая нужное слово.

– Под кайфом? – спокойно уточнила Светлана Николаевна, и в этом спокойствии было что-то жуткое. – Думаешь, я слов таких не знаю? Так я ведь много их выучила, пока мы с нашей бедой боролись. То-то и оно, что не мог Глебушка быть под кайфом. Никак не мог. Его Алеша в клинику очень дорогую устраивал, он там почти полгода пробыл. И как вернулся, ни-ни. Я ведь смотрела. И на руки-ноги, когда спал, и на глаза, и на поведение. Научена горьким опытом, куда смотреть надо. Не кололся он, точно тебе говорю!

– Но экспертиза показала, что на момент задержания он был под действием наркотика...

– Загадка тут, девочка. Кому-то надо было, чтобы Глебушку обколотым задержали. А кому, как не настоящему убийце? Так что нам с тобой вычислить его надо.

– Нам? – переспросила Инна.

– Нам, – твердо ответила Карманова. – Кроме меня, Глебушка больше никому на целом свете не нужен. А, кроме тебя, мне помочь некому.

Квартиру Кармановых Инна покидала с тяжелым сердцем, не забыв, однако, попросить последнюю фотографию Глебушки. Со снимка на нее смотрело худое бледное лицо, в котором ничего не напоминало толстощекого карапуза из ее юности. Вот только глаза по-прежнему сияли – мудрые печальные глаза Маленького принца.

– Ты ей поможешь? – спросила мать, когда они сели в машину.

– Ой, мам, как я могу ей помочь, если на 90 % Карманова убил именно Глебушка? Естественно, Светлана Николаевна не хочет в это верить. Как ей жить после этого? Но и автомат у него нашли, и отпечатки на нем. Скорей всего, он снова начал колотиться и обратился к отцу за деньгами на дозу. А тот не дал. Вот и все.

– А на встречу с сыном Алексей нечаянно автомат захватил? – иронически поинтересовалась мать. – Автомат же у него дома был, как он мог к Глебу попасть?

– Да не знаю я! – с досадой ответила Инна. – Следствие разберется. Ванька Бунин не тот человек, чтобы на невиновного убийство вешать. Так что, если Глебушка ни при чем, то отпустят его на свободу с чистой совестью.

– Дай-то бог, – печально вздохнула Татьяна Борисовна и больше до самого своего дома не сказала ни слова.

Глава 4

Сокровища «Континента»

Не имеет значения, что подумают другие – поскольку они в любом случае что-нибудь подумают. Так что расслабься.

Пауло Коэльо

В понедельник Инна чувствовала себя свежей и бодрой, хотя поспать ей практически не удалось. После того, как накануне она отвезла домой маму и, тяжело вздохнув, поднялась к ней в квартиру для сеанса психотерапии (от визита к Светлане Николаевне мама была в глубоком шоке), ей все-таки пришлось вернуться в супермаркет за продуктами, а потом встать к плите. Отказываться от намеченных планов Инна не любила.

Когда лазанья была сметена Гошей и Настенкой подчистую, на круглом блюде остались две сиротливые тарталетки, а подрумянившиеся окорочка были вынесены на балкон до завтра, Инна еще около часа возилась на кухне – мыла посуду, надраивала раковину, протирала пол. Домашняя работа всегда ее успокаивала, и сейчас тоже отвлекала от невеселых дум про несчастного Глебушку.

Около двух часов ночи она все-таки легла в кровать, но уснуть не смогла. Мозг коварно терзали воспоминания. Перед глазами стоял кудрявый пятилетний Глебушка, уверяющий, что он «не чучелко», – безумно любимый родителями, заласканный, но тем не менее совершенно неизбалованный чудо-ребенок, выросший в наркомана-отцеубийцу.

Несмотря на бессонную ночь, назавтра она была полна сил. Статья про убийство Карманова была написана к полудню. В ней присутствовало все, чем так славилась журналистка Инесса Перцева: блестящий стиль, завораживающая интрига, душераздирающая житейская история про брошенного отцом Глебушку, мокнувшие в кровавом снегу лакированные ботинки из крокодиловой кожи, раздавленная горем мать убийцы, а главное – фотографии.

На одной из них капитан Бунин осматривал место происшествия, на другой – Светлана Николаевна держала на руках двухлетнего Глебушку, на третьей – шестнадцатилетний Глеб стоял в кругу одноклассников, на четвертой – Наталья Карманова красовалась на пороге своей квартиры в джинсах со стразами, на пятой – Антон Головкин уверял, что фирма «Берег» не имеет никакого отношения к убийству...

Главный редактор «Курьера» Юрий Гончаров аж губами зачмокал, увидев все это величие.

– Я тебе уже сегодня говорил, что ты лучшая? – спросил он на весь коридор. – Другим еще учиться и учиться, расти до тебя и расти, – на этих словах он многозначительно посмотрел на Генриха Стародуба, который пробурчал себе под нос замысловатое ругательство и, бледный от зависти, покинул место перцевского триумфа.

Довольная Инна вернулась к себе в кабинет, лениво размышляя, чем бы заняться до конца рабочего дня, уж коли так получилось, что «гвоздь» в номер она уже обеспечила.

Не прошло и десяти минут, как к ней заглянула начальница отдела рекламы, красавица и хохотушка Света Медведева, на всю редакцию славившаяся полным неумением испытывать плохое настроение. Но сейчас вид у Светы был довольно хмурый.

– Инуся, выручай, а? – жалобно сказала она. – Рекламодатели – сволочи, две недели кота за яйца тянули, ни да ни нет не говорили, а сегодня звонят, что вынь им да положи статью в этот номер. Рекламный бюджет – закачаешься. Не успеем или наваяем чего, и денежки тютю. А кроме тебя, в такой короткий срок никто хорошо не сделает. Выручай, будь другом!

– Ладно, – покладисто согласилась Инна, которую похвалили уже второй раз за утро. – Куда ехать-то?

– Фирма «Континент», строительный супермаркет, знаешь на Гоголя огромное здание? – к получившей положительный ответ Свете вернулась ее обычная жизнерадостность. – Владелица хочет лично встретиться для интервью. Ее кабинет на третьем этаже. Скажешь охране, что тебя ждет Таисия Архиповна Манойлова. Она, кстати, хоть и миллионерша, но баба, говорят, хорошая. Час на дорогу, час там, часа за два все напишешь, по факсу отправишь и по телефону согласишься. Делов-то...

– У тебя, Светка, всегда так, – охладила ее пыл Инна. – Кроме твоих рекламистов, в редакции никто не работает. Мы, журналисты, так и вообще крестиком вышиваем. Час туда – час сюда, по-твоему, это просто?

– Что ты, Инночка, – всполошилась Медведева, – я ж понимаю, что за полдня статью рекламную написать, да чтоб еще рекламодателю понравилась, это очень сложно! Так ведь я потому тебя и прошу!

– Расслабься, сказала же, что съезжу, – засмеялась Инна. – Подлиза ты, Светка.

– Я не подлиза, я ваша кормилица! Тебя это, конечно, касается в меньшей степени, потому что ты у нас жена богатого мужа, а вот всем остальным на меня молиться надо, я вам зарплату в клювике ношу! – и, не выдержав собственного пафоса, Медведева расхохоталась в голос.

Спустя полчаса Инна подъехала к офису фирмы «Континент». О владелице и ее фантастическом богатстве она слышала довольно много. Буквально на прошлой неделе вернувшаяся из школы Настя взалхлеб рассказывала, что пятнадцатилетняя дочь Манойловой ездит в школу за рулем собственного «Инфинити».

– Как это, – удивилась Инна, – права ведь только в восемнадцать лет выдают?

– Ма-а-ам, – укоризненно ответила Настя, – кто ж ее оштрафует, когда у ее матери все ГИБДД на зарплате! Подарила доченьке машину на пятнадцатилетие, водить научила – и вперед. Рулит теперь по городу с открытыми окнами, несмотря на мороз. Иначе ее красоту неземную и крутизну через тонировку не видно. Мне, мам, кстати, тоже скоро пятнадцать.

Показав дочке внушительную фигуру, Инна тогда подумала, что язычок у Настасьи острый, весь в маманю. Но рассказу о пятнадцатилетней девочке за рулем не поверила.

Магазин строительных материалов «Континент» вместе с прилегающим к нему складом занимал площадь в несколько гектаров. Офисы, как и говорила Света Медведева, располагались на третьем этаже. Поднявшись туда на прозрачном стеклянном лифте, Инна невольно присвистнула от восхищения.

Здесь был сделан очень дорогой, а главное – красивый ремонт в стиле хай-тек. Все сияло стеклом и никелем. Офис выглядел ультрасовременным и просторным. В приемной, куда Перцеву проводил внушительных габаритов охранник, было много воздуха и света, а секретарша оказалась улыбчивой и приветливой.

– Таисия Архиповна вас ждет, – сказала она и распахнула перед Инной дверь в кабинет Манойловой.

Войдя туда, Инна в буквальном смысле слова остолбенела. Убранство кабинета настолько не вязалось со строгой элегантностью остальной части здания, что ей показалось, будто, переступив через порог, она попала в другое измерение.

Стены рабочего кабинета были обиты розовым атласом в золотой цветочек. Бархатные розовые шторы были перехвачены атласными лентами немного другого оттенка. У стены стоял большой диван из розовой кожи, напротив – большое кресло и пуфик. Письменный стол хозяйки кабинета, приставной стол для совещаний и журнальный столик, разделяющий диван и кресло, сверкали столешницами из малахита. Под потолком сияла люстра из зеленого богемского стекла, на стенах – такие же бра, в углу рядом с диваном стоял торшер с розовым абажуром. Кроме всего этого великолепия, в кабинете висели картины – репродукции Айвазовского с его девятым валом, а в углу шелестел небольшой фонтанчик с писающими мальчиками.

– Правда красиво? – спросила Манойлова, решившая, что у Инны перехватило дыхание от восторга.

– Монументально, – честно ответила Инна, переведя взгляд на хозяйку кабинета. Несмотря на разгар рабочего дня, та была в парчовом костюме глубокого винного цвета, по которому были рассыпаны выпуклые шелковые цветы. Большой стоячий воротник и длинная шуршащая юбка придавали Манойловой сходство с королевой из сказки.

Размер 56 – на глаз определила Инна и приветливо улыбнулась рекламодательнице.

– Здравствуйте, меня зовут Инесса Перцева, я журналист «Курьера». Давайте поговорим о вашей фирме. Если честно, давно хотела с вами познакомиться, потому что наслышана о том, как много вам удалось сделать за столь короткий срок.

Беседа текла довольно оживленно, потому что Манойлова оказалась на удивление приятным собеседником.

«Светка Медведева права, она отличная баба, которую совершенно не испортило богатство», – думала Инна.

«Континент» Таисия Архиповна искренне считала своим детищем и гордилась его успехами. Интервью получалось интересным, а главное, Инна чувствовала это заранее, – результативным. Она знала, что после выхода ее статьи в «Континент» валом повалят покупатели, а значит, контракт, который фирма намеревалась заключить с «Курьером», фактически был у редакции в кармане.

К концу разговора она все явственнее ощущала горячее желание сделать о собеседнице еще один, бесплатный материал. Та вскользь упомянула, что была в семье десятым ребенком из тринадцати. Мать работала поварихой в столовой локомотивного депо. Этот феномен стоил отдельной статьи, и Инна быстренько договорилась о том, чтобы прийти к Манойловой еще раз.

– А давайте домой, – предложила Таисия Архиповна. – На работе как-то слишком строго все получается. Заодно посмотрите, как я живу.

– Конечно, – согласилась Инна, – давайте, чтобы не откладывать на после праздников, я приеду в эту субботу.

– Давайте, – улыбнулась Манойлова, – записывайте адрес.

Услышав название улицы, Инна снова уронила челюсть на колени. Ее собеседница жила в собственном особняке, в самом престижном городском районе «Сосновый бор». Располагался он недалеко от центра, но был огорожен от городского шума лесным массивом, естественно, сосновым, и шлагбаумом, который отделял его обитателей от простых смертных.

Получить там «вид на жительство» было не так-то просто. Каждый претендент, желающий построить или купить особняк в этой части города, должен был получить одобрение правления и внести немалый взнос на благоустройство «Соснового бора». Инна знала, что переговоры о покупке дома в этом районе уже год вел возлюбленный ее подруги Алисы Игорь Стрелецкий. Будучи председателем совета директоров очень крупного завода, он проходил процедуру согласования на общих основаниях.

Но Манойлова жила именно в «Сосновом бору», и этот факт тоже немало говорил о ее месте в городской табели о рангах.

– Таисия Архиповна, миленькая, – взмолилась Инна, вспомнив о рубрике, за которую в «Курьере» отвечала ее подруга, Настя Романова, – а можно я к вам в гости с фотоаппаратом приеду? У нас в газете есть раздел «Гостиная», там мы на двух полосах публикуем фотографии домашних интерьеров известных людей. И еще ни разу ни у кого в «Сосновом бору» не были.

– Конечно, мне не жалко, – улыбнулась Манойлова. – И скрывать нам нечего. С удовольствием покажем, как мы живем.

Дверь открылась, и на пороге кабинета появился молодой человек довольно приятной, но несколько старомодной наружности. Невысокого роста, субтильного телосложения, в круглых очках, с зализанными назад гладкими волосами, в ладно сидящем строгом костюме и гал-

стуке одного цвета с рубашкой – писк последнего сезона. На вид ему можно было дать лет двадцать пять.

– Мама, ты занята? – вежливо спросил он.

– Нет, мы уже закончили, – живо откликнулась Манойлова. – Познакомьтесь, Инночка, это мой сын Коленька.

Молодой человек подошел к Инне, поцеловал ей руку и прищелкнул каблучками ботинок. Мило улыбувшись столь галантным манерам, Инна отметила, что костюм на нем от Бриони, ботинки явно из кожи антилопы, а очки на самом деле – от Роденшток. Такие же точно очки носили Михаил Горбачев и Билл Клинтон. Вся эта элегантная роскошь, вкусно пахнущая одеколоном Гуччи, так же не вязалась с аляповатым костюмом матери, как и ее кабинет с остальной частью здания.

– Коленька, это журналистка «Курьера». Приехала к нам по рекламе. Я пригласила Инночку к нам в гости на субботу. Она хочет сделать статью про меня и репортаж про нашу квартиру.

– Приезжайте, – улыбнулся Манойлов. – Я буду вас ждать. Мама, у меня вопрос по поставкам партии кафеля, я зайду через десять минут.

– Хорошо, сыночек, – мать ласково посмотрела на мягко закрывшуюся дверь и деловито спросила у Инны: – Голубушка, вы замужем?

– Да. Второй раз, – честно призналась та.

– Жаль, – неприятно огорчилась Манойлова. – Вы Коленьке понравились. Никак его женить не могу. Тридцать два года уже, а все холостяк.

– Как тридцать два? – удивилась Инна.

– Да, мой мальчик молодо выглядит. Я так за него переживаю, так переживаю! Встречается с какой-то учительницей с ребенком. Я так-то не против, но она его старше на пять лет. Мне это, конечно, не по душе. А он сердится.

– А дочь у вас есть? – спросила Инна, вспомнив разговор с Настенной.

– Есть и дочь. Но она еще школьница. У них с Коленькой разница в семнадцать лет. Меня все отговаривали рожать с таким большим перерывом. А я решила, что пусть в старости будет двое детей. И не жалею. Дети у меня замечательные!

– Приеду к вам в гости – познакомимся поближе, – пообещала Инна. – А пока отправлюсь материал писать. Часа через три скину интервью вам по факсу.

– Хорошо, буду ждать, – ответила Манойлова, и Инна покинула гостеприимный розово-зеленый кабинет, больше похожий на королевский будуар.

К пяти часам рекламная статья «Сокровища «Континента» была написана и одобрена заказчицей, не внесшей в него ни одной правки. Светка Медведева прыгала от счастья, а Инна, чувствуя приятное удовлетворение от не зря прожитого дня, поехала домой – есть «бриллиантовые» окорочка и пить «Мартини». Она знала, что заслужила хороший отдых.

Красота – страшная сила

Вы когда-нибудь задумывались над тем, от чего зависит мужская привлекательность?

Правильно, от толщины кошелька.

Женщине для того, чтобы стать красавицей, нужно очень многое. Во-вторых, модная одежда, классный парикмахер, умение держаться на высоких каблучках, отремонтированные зубы, дорогая косметика, итальянская сумка и шуба из цельной норки. И, во-первых, ум. Чтобы не переборщить со всем тем, что во-вторых.

Мужчине же не нужно ничего. Кроме денег.

На днях прихожу в банк. Впереди очередь. В очереди мужик.

На кирзовых сапогах комья грязи, кроличий трюх на затылок съехал, ватник распахнут. В общем, тракторист трактористом.

Подходит он к окошку, девушка на него так нелюбезно глазами шаст. И начала в бумажках своих копать, его принципиально не замечая. Делать ей нечего, умной и красивой, как на трактористов смотреть. И вообще, ходят тут всякие.

Мужик стоит, терпеливо ждет. Грязь на сапогах засыхает и потихоньку на пол отваливается.

Наконец девушка ему нелюбезно предлагает предъявить личность, которую он на счет сдавать пришел. Мужик открывает полиэтиленовый пакет и достает оттуда пачек этак пятнадцать пятисотенных.

И тут красавица за окошком волшебным образом начинает меняться. И взгляд у нее делается ясный-ясный, и верхняя пуговка на кофточке как-то сама собой расстегивается, и движения делаются плавными-преплавными. И вижу я отражение этого мужика в ее глазах. И в этом отражении он весь такой из себя высокий голубоглазый блондин в кашемировом пальто и крокодиловых ботинках.

Ну, мужик деньги сдает и от окошечка отходит. Оно и понятно. Кончил дело – слезай с тела. То есть отойди по-хорошему, дай другим финансовую нужду справить.

И тут девушка опять, как в сказке, резко меняется. И сразу видно, что жизнь у нее одинокая и неустроенная, и зарплаты точно не хватает, и мужики все вокруг козлы. Особенно этот, только что от окошечка отошедший, а на свидание не пригласивший.

И так до следующего клиента. С толстым кошельком. Красавцем, внешность которого не имеет абсолютно никакого значения.
Инесса Перцева, газета «Курьер»

Глава 5

Кому Новый год, кому похороны

Не обязательно выигрывать в каждом споре. Просто согласись или не согласись.

Регина Бретт

Следующие два дня Инна была баклуши. На традиционной по вторникам редакционной летучке она, лениво покачивая ногой в замшевом сапожке, перечислила свои планы на неделю: похороны Алексея Карманова, где может всплыть что-нибудь интересное; одна из предновогодних колонок в рубрику «Женский взгляд», до коих Перцева была большая мастерица; визит в особняк Манойловой.

– Пожалуй, хватит с меня, – заключила она.

– Хватит, – согласился главный редактор, – другие тоже могут поднапрячься и слегка поработать.

Генрих Стародуб, сиречь пьяница и бездельник Генка Дубов, закатил глаза к потолку и демонстративно вздохнул.

Сбежав с работы пораньше, Инна отправилась в недавно открытый японский ресторан «Киото», на встречу с подругами. До Нового года оставалось уже меньше двух недель, а у них действительно ничего еще было не готово.

В этом году праздновать было решено на даче у Игоря Стрелецкого. Это был первый Новый год, который Алиса встречала вместе с ним, поэтому даже циничная Инна признавала, что данное обстоятельство придает главному событию года особый романтический налет.

– Не испугается твой Игорь нашей оравы? – деловито спросила она у Алисы. Та решительно замотала головой.

Компания действительно собиралась большая. Стрелецкий с Алисой и ее сын Сережка. Инна с Гошей и Настей. Еще одна их подруга – Наталья с мужем Ленчиком и сыном Ромкой. Наташка недавно пережила огромный стресс на почве предательства любовника, смены работы, а также череды загадочных убийств, к которым, как она долгое время полагала, этот самый любовник имел самое непосредственное отношение. К счастью, благодаря капитану Бунину выяснилось, что это не так¹. Приезд на дачу самого капитана с невестой Ириной тоже предполагался. Завершали список гостей четвертая подруга – Лелька с сыном Максимкой и пятая – коллега Инны по «Курьеру» Настя Романова. К ним прилагались мама Инны Татьяна Борисовна и мама Алисы Александра Андреевна. Всего шестнадцать человек.

– Составляем меню! – провозгласила Инна. – Жратва – самая главная часть новогоднего праздника.

– Да ну тебя! – поморщилась Наталья. – Давайте лучше начнем с культурной программы, а то опять будем всю ночь паяться в телевизор.

– Главная часть новогоднего праздника – алкоголь, – назидательно сказала Настя, – поэтому предлагаю обсудить его.

– А чего его обсуждать? – пожала плечами Алиса. – Алкоголь – это проблема Игоря. Он, насколько я знаю, ее уже решил.

– А может, я это не пью? – Настя высокомерно повела округлым плечиком.

– Ты все пьешь, – успокоила подругу Инна. – Я не думаю, что Стрелецкий выставит на стол денатурат, а все остальное ты оприходуешь за милую душу. Так что не выпендривайся.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Людмилы Зарецкой «Приворот для Золушки».

И вообще, главное – это праздничные закуски, и если вы думаете, что я опять все 31-е число проведу у плиты, а вы потом будете все это уплетать и нахваливать, то заранее предупреждаю, что этот номер у вас не пройдет!

– Инуська, как ты, все равно больше никто не приготовит! – засмеялась Лелька. – Мы все жалкие любительницы по сравнению с тобой, суперпрофессионалом! Лично я готова сделать селедку под шубой и какой-нибудь салат, но при условии, что ты испечешь пироги и приготовишь лазанью.

– Ага, – согласилась Алиса, – мы с Игорем на дачу поедem накануне, поэтому с меня горячее – я осетра купила и гуся. А мама уже заявила, что приготовит паэлью. Мужики ее любят.

– Я тоже ее люблю, – проворчала Настя, – только мне вечно не достается, потому что мужики все съедают.

Через пятнадцать минут веселых препирательств новогоднее меню было составлено и утверждено. Наталья с Настей были освобождены от готовки, зато должны были обеспечить веселые розыгрыши и призы к ним, а также отдельную программу для детей.

Инна обожала Новый год, поэтому дома продолжила приятную подготовку к нему и составила список подарков, которые нужно было купить, упаковать и подписать. Гоше она присмотрела новый адидасовский костюм. Спортивное прошлое оставило неизгладимый след в Гошиных пристрастиях в одежде. Даже на работе он ходил в джинсах и свитерах, стараясь при любом удобном случае переоблечься в спортивный костюм и кроссовки. Инна знала, что новому «прикиду» он очень обрадуется.

Настене полагался новый мобильный телефон – розовая раскладушка в блестящих стразах. Смешно для солидной, уважающей себя женщины, но вполне приемлемый вариант для четырнадцатилетней девицы. Подругам она решила купить косметику от Диор: тушь – Алисе, пудру – Наталье, румяна – Лельке и помаду – Насте. «Это никогда не лишнее», – разумно подумала Инна. Ленчику и Игорю предназначалось по бутылке дорогого алкоголя. Александре Андреевне – большое пушистое банное полотенце, маме – махровый халат, мальчишкам – фильмы на DVD.

В среду, воспользовавшись временным ничегонеделаньем, она отправилась по магазинам, чтобы воплотить задуманное в жизнь. От магазина к магазину гора красиво упакованных подарков на заднем сиденье машины – маленького юркого «Ниссана Микра» ярко-красного цвета – росла. Настроение у Инны было просто отличное. Она ничего в жизни не любила так сильно, как предновогоднюю суету.

«А Светлане Николаевне в этом году придется одной Новый год встречать, – внезапно подумала она. Настроение резко испортилось. – Пожалуй, надо будет проводить Глебушку в тюрьме, – решила Инна, – и вообще пошуршать в этом направлении».

В четверг она с утра пораньше отправилась на похороны Карманова. В зале гражданской панихиды оказалась уйма народу. Чтобы не толкаться в толпе, она пробралась поближе к гробу и оказалась рядом с Антоном Сергеевичем Головки.

Он ее еще не видел, увлекшись разговором с каким-то человеком, стоявшим к ней спиной, и Инна, воспользовавшись случаем, еще раз как следует его рассмотрела.

Антон Сергеевич, безусловно, был видным мужчиной. Высокий, статный, с начинающей седеть шевелюрой, он выгодно выделялся среди присутствующих. Над ним витал аромат власти и денег, который, с точки зрения Инны, является обязательным атрибутом настоящего самца.

«Роман с ним закрутить, что ли?» – мимоходом подумала она и, устыдившись не к месту пришедшей в голову мысли, отвернулась в поисках других знакомых.

Светланы Николаевны в зале не было. Вдова Карманова Наталья очень красиво смотрелась возле гроба. На ней было длинное полупрозрачное платье (слава богу, черное), огромная черная шляпа с вуалью, закрывающей лицо, в одной руке – маленькая черная блестящая

сумочка с пайетками (вечерний вариант, да чего взять с дуры!), в другой – ослепительно белый платочек из натурального кружева, который она время от времени демонстративно подносила к совершенно сухим глазам.

«Н-да, клинический случай. Как все запущено...» – подумала Инна, еще раз поглядев на пайетки, и снова повернулась к красавцу Головки.

Тот уже закончил разговор и, заметив Инну, поздоровался. Собеседник машинально повернул голову, чтобы посмотреть, кто привлек его внимание, и Инна увидела, что это не кто иной, как Коленька Манойлов. Он тоже ее узнал и церемонно наклонил голову в вежливом поклоне.

– О, Николай Гаврилович вас знает, – отметил Головки. Иннина капитализация в его глазах явно повысилась.

– На днях познакомились в кабинете Таисии Архиповны.

– О, Таисия Архиповна – грандиозная женщина! – Головки закатил глаза, демонстрируя высшую степень восторга.

– Да, мне она тоже понравилась. А что Николай здесь делает?

– Алеша был его страховщиком. Почти половина присутствующих – наши клиенты. Николай Гаврилович – один из самых уважаемых.

– А какой у него бизнес? – любопытствовала Инна.

– О-о-о! – снова восторженно протянул Головки. – Он много чем занимается. В первую очередь это сеть строительных супермаркетов. «Континент» – семейный бизнес. Николай Гаврилович очень во многом помогает Таисии Архиповне. Во-вторых, у него есть пакет акций в двух-трех строительных фирмах. Сами знаете, как это в наше время выгодно. Ну и для души он держит загородный бизнес-клуб. Это такая маленькая гостиница, всего на десять мест. Роскошные двухкомнатные номера с теплым полом и джакузи. Солярий, массажный кабинет, тренажерный зал, теннисный корт, бассейн, СПА-салон. А также, конечно, отличный ресторан с русской кухней. Уха из стерляди, блины с икрой – это что-то!

Инна наморщила лоб, вспоминая, где она уже об этом слышала.

– Подождите, – воскликнула она, – конечно же, «Николаевский клуб»! Значит, это его?

– Да, – обрадовался Головки. – Доводилось бывать?

– Нет, – честно призналась Инна.

– Съездите, если получится. Уверяю вас, не пожалеете. Место чудесное. Там рядом озеро, в нем летом лебеди плавают. Сервис отличный... И горничные, и официанты, и прочая обслуга вышколена. Лучший сомелье города – там. Лучший повар – там. Лучший метрдотель тоже. И заметьте, никакой текучки кадров. Требования высокие, но люди очень держатся за свое место. Впрочем, это и неудивительно – при таких-то зарплатах.

– Что, много платят?

– Николай Гаврилович – очень щедрый человек.

Инна покосилась на щуплого Коленьку, который в сторонке разговаривал с довольно высокого ранга чиновником из областной администрации. Заметив ее взгляд, он застенчиво улыбнулся и, вытащив из кармана белоснежный платок, протер очки.

– А отец его чем занимается? – спросила Инна у Головки, решив собрать как можно больше информации о семье, к которой ей в субботу предстояло идти в гости.

– Отец? Какой отец? А-а-а-а, отец... Что вы, они давно развелись. Когда Таисия Архиповна решила заняться бизнесом, муж ее решительно не поддержал. Он учитель в школе. Музыку преподает. Очень высокодуховный человек. Сказал, что задыхается рядом с торгашами, и подал на развод. Вроде бы даже из города уехал. Куда-то на Урал, к своей маме. Она у него уже старенькая совсем. А Таисия Архиповна осталась одна с детьми. Впрочем, Николай Гаврилович тогда уже взрослый был. Так что он мать поддержал. И сейчас поддерживает.

Началась траурная церемония, и, к большой досаде Инны, пришлось прекратить столь увлекший ее разговор. Помимо биографии Манойловых ничего интересного с похорон она не вынесла. Собравшиеся лениво обсуждали Глебушку, сходясь в общем мнении, что наркотики – страшное зло.

На кладбище Инна решила не ездить. Подождав, пока траурная процессия тронется от зала гражданской панихиды, она натянула перчатки и пошла в сторону машины. Но тут сзади кто-то тронул ее за рукав. Обернувшись, она увидела Светлану Николаевну.

– Здравствуйте, – сказала Инна. – А я уж удивилась, что вас нет.

– Я в сторонке стояла, – тихо ответила женщина, – не хотела внимание привлекать. Кто я, с их точки зрения? Брошенная жена? Мать убийцы? А совсем не прийти – душа не выдержала. Мы же все-таки с Алешей серебряную свадьбу сыграли. У меня рядом с ним жизнь прошла, как же было не попрощаться?

– Конечно, – согласилась Инна, – попрощаться обязательно надо, а вот на людские пересуды обращать внимание – вовсе нет.

– Мне никакие пересуды не страшны, – твердо сказала Карманова, – после того, как Алеша меня бросил, чтобы на этой кукле жениться, после того, как Глебушка, когда Алеша ушел, месяц молчал, после того, как я у него шприц в кармане нашла... Что ты, девочка, разве я могу молвы бояться? Мне теперь только одно страшно – что Глебушку виновным признают. Ты его видела?

– Нет, – призналась Инна, почему-то чувствуя себя виноватой. – К нему не пускают пока, Светлана Николаевна. Но я схожу, обязательно схожу, честное слово.

– Сходи, – несчастная женщина посмотрела на Инну слезящимися на зимнем ветру глазами. – Сходи, голубушка! Он же не убивал.

– А если не он, то кто, как вы считаете? – спросила Инна.

– Не знаю, – Светлана Николаевна горько вздохнула. – Я ведь ночами не сплю, все думаю. Может, у этой его фифы любовник молодой завелся, и им его деньги понадобились? Может, на работе криминал какой? Но только Глебушка тут точно ни при чем.

– Следствие разберется. Я знаю человека, который дело ведет. Он очень хороший. И очень умный. И специалист прекрасный. Вы верьте, он все распутает.

– Дай бог, – тихо сказала Карманова и, придерживая у лица воротник пальто, побрела прочь. Инна молча смотрела ей вслед, не замечая, что она сама и ее беседа с бывшей женой убитого стали объектом пристального внимания.

Наблюдающий за ней из окна машины человек задумчиво проводил глазами тщедушную фигурку Светланы Николаевны, вновь перевел взгляд на тревожное и печальное лицо Перцевой и негромко выругался. Увиденное ему решительно не понравилось.

Глава 6

Утро в сосновом бору

Смирись с тем, что вам понадобится десять лет на то, чего мужчина тех же профессиональных способностей достигнет за два-три года. Просто потому, что вы женщина. Это несправедливо. Но расстраиваться из-за этого совершенно бесполезно.
Ирина Хакамада

В «Сосновый бор» Инна ехала в отличном настроении. До Нового года оставалась ровно неделя. И эта неделя сулила предпраздничные хлопоты, редакционную вечеринку и покупку нового вечернего наряда, который она уже присмотрела в Гошином магазине.

Кроме того, Инна заранее предвкушала удовольствие от визита к Манойловой. Таисия Архиповна была дамой весьма колоритной, а коллекционировать людей Инна любила.

Поселок появился, как всегда, неожиданно. Только что за окнами машины мелькали многоэтажные жилые дома сталинской застройки, слева остался памятник Пушкину, у которого назначалось большинство свиданий в городе, поворот – и перед Инной во всем своем великолепии предстал «Сосновый бор». С мохнатыми лапами вековых сосен, причудливым литым забором и мелькающими среди его прутьев особняками под краснотерпичными крышами, сейчас занесенными чуть голубоватым на солнце снегом.

Охранник на въезде придирчиво рассмотрел перцевское редакционное удостоверение, сверил номер машины со значившимся в списке гостей, потом проговорил что-то в телефонную трубку и нехотя открыл ворота. Яркого-красный «Ниссан Микра» заскользил по расчищенным дорожкам к дому номер пятнадцать.

Инна ехала не спеша, разглядывая дома вдоль дороги. Одни особняки были поменьше, другие побольше, среди двух- и даже трехэтажных домов встречались маленькие, похожие на чуть улучшенные дачки. Перцева подумала, что было бы неплохо раздобыть и напечатать в «Курьере» полный перечень жильцов элитного поселка. Номер хватали бы как горячие пирожки.

Как и следовало ожидать, манойловский дом был одним из самых больших. Трехэтажная машина из особого колотого кирпича, создающего эффект старинной кладки (Инна знала, что этот сорт называется «Антик», относится к элитным и стоит безумно дорого), приветливо улыбалась деревянными евроокнами. Участок терялся в соснах. Вокруг дома были удобно расположены гараж этак машин на двенадцать, отдельный флигель, в котором, видимо, жила прислуга, теннисный корт и открытый бассейн, сейчас превращенный в каток.

Таисия Архиповна в коротких обтягивающих спортивных штанах (и это при таких-то размерах!), полосатой футболке и накинутом на плечи пуховом платке ждала гостью на крыльце.

Махнув рукой в сторону парковки для гостей, она подождала, пока Инна вылезет из машины, и предупреждающе крикнула:

– У нас собаки внушительные, но вы их не бойтесь! Я специально вас встречаю.

Словно дожидаясь этих слов, навстречу Инне из-за сосен выскочили два родезийских риджбека и опрометью кинулись обнюхивать незнакомку.

– Не бойтесь, – снова крикнула Манойлова, – они у нас не кусаются! Так, для устрашения только.

– Я не боюсь, – крикнула в ответ Инна и присела на корточки перед огромными псами, которые завились вокруг, довольно ощутимо охаживая ее вдоль спины своими хвостами. – Я люблю собак! По крайней мере мне всегда удается найти с ними общий язык.

В доме было тепло и как-то вкусно. В просторной прихожей Инна избавилась от дубленки, которая тут же исчезла в недрах бесконечного шкафа.

– Сначала чай с пирожными, – объявила Таисия Архиповна, – потом работа. Вы едите пирожные? Судя по вашей фигуре, нет.

– Ем, – засмеялась Инна, которой все больше нравилась эта женщина. – У меня просто хороший обмен веществ. Наш главный редактор на коллективных вечеринках все время говорит, что меня нужно кормить отдельно от других женщин. Я мету все подряд и не поправляюсь. Все жутко завидуют.

– Тогда пошли есть пирожные и сплетничать.

– О чем?

– Голубушка моя, да разве две умные женщины не найдут, о чем, а главное – о ком посплетничать? – Манойлова сощурила глаза, и в них заскакали смешинки.

– Это точно, – согласилась Инна. – Только давайте мы посплетничаем про вас. Мне ужасно интересно поскорее услышать историю вашей жизни, я уже от любопытства извелась вся! А фотографировать дом я буду потом.

– Хорошо, – согласилась хозяйка. – Пойдемте на кухню. Это направо.

Кухня поражала воображение размерами и разнообразием встроенной техники. Инна специально повертела головой, пытаясь обнаружить отсутствие хотя бы одного бытового прибора. Но это ей не удалось.

– Вы любите готовить? – спросила она.

– Терпеть не могу! У меня, знаете ли, мама была поваром. Всю жизнь провела за плитой в столовой локомотивного депо. Когда я была маленькая, частенько играла у нее на кухне. Потом, класса со второго, начала помогать. А в четвертом уже подрабатывала там же. Запах щей и жарящихся котлет потом преследовал меня лет пятнадцать. Поэтому готовить не люблю. Стараюсь обходиться ресторанными полуфабрикатами.

– А это все тогда зачем? – Инна обвела руками кухню с ее миксерами, кухонными комбайнами, соковыжималками и прочей утварью.

– Ну, у меня принцип, что в жизни все должно на всякий случай быть под рукой, – пожалала плечами хозяйка. – Кроме того, Коленька любит готовить. К примеру, к вашему приходу он вчера полвечера готовил оленину под брусничным соусом. Так что вы у нас сегодня обедаете. И не вздумайте отказаться, вы смертельно обидите и меня, и Коленьку.

– А он дома? – полюбопытствовала Инна.

– Нет, уехал по делам, в свой клуб. Но к обеду обещал вернуться. Садитесь. Вот коробка с пирожными. Они, кстати, тоже из клуба. Вам какой чай налить – черный, зеленый или белый?

Инна с удовольствием выбрала белый чай, который очень любила. Манойлова оказалась единственным человеком среди ее знакомых, кроме Алисы Стрельцовой, который знал, что такой чай вообще существует в природе. Правда, Алиса и Инна пользовались сортом Пай Му Тан, что в переводе означает «белый пион», а Таисия Архиповна достала коробочку с одним из самых дорогих сортов в мире Инь Жень («серебряные иглы»).

Как и положено белому чаю, он оказался душистым и вкусным, а маленькие пирожные с фруктами и взбитыми сливками просто таяли во рту. Перцева как раз обдумывала, пристойно ли будет съесть шестое пирожное, когда в кухню вплыло юное создание неземной красоты.

На вид созданию было лет пятнадцать-шестнадцать, и Инна поняла, что это и есть младшая дочь Таисии Архиповны. Джинсы от Версачи плотно сидели на упругой юной попке. Из-под короткой маечки, обтягивающей весьма аппетитную грудку, торчал бриллиант в пупке. Босые ноги с ярко-красным лаком на ногтях грациозно ступали по паркету. Белокурые локоны рассыпались по плечам. Огромные карие глаза были густо обведены тенями и, несмотря на ранее утро, обсыпаны блестками. В руке девица держала бутылку «Бейлиса».

– Лед есть? – спросила она у матери, не обращая ни малейшего внимания на гостью.

– В холодильнике посмотри, – ответила Манойлова. – И поздоровайся с Инночкой. Она приехала брать у меня интервью.

– Журналистка? – пренебрежительно фыркнула белокурая бестия. – Что, на хлеб с маслом не хватает, раз по выходным работаешь?

– Доченька, не груби, деточка, – укоризненно сказала Таисия Архиповна. – Инночка, познакомьтесь, это моя младшая дочь Эвелина.

– Красивое имя, – сдержанно ответила Инна, которая уже пришла к выводу, что «доченька и деточка» является, несмотря на свой юный возраст, редкостной стервой.

– А то! – со значением произнесла девица, подтянула тело к холодильнику, насыпала лед в плоский стакан и щедро залила «Бейлисом». – Mam, а когда она свалит? Ко мне девчонки прийти должны, – мысль, что тактичнее было бы задать этот вопрос наедине, похоже, не приходила Эвелине в голову.

– Доченька, Инна у меня в гостях. А девочек ты можешь принять в зимнем саду. И ликер с утра... Мне кажется, это лишнее.

– Не нуди, мам, – девица капризно поджала губки. – Я немножко, для настроения.

– Ну, если немножко, то можно, – согласилась Манойлова, и девица выплыла их кухни так же царственно, как и вплыла.

– Она в школе учится? – спросила Инна, чтобы сгладить возникшую неловкость.

– Да, девятый класс уже. Вы уж не обращайтесь внимания, она у меня немножко избалованная. Сами понимаете, младшая, да еще девочка. Коленька в ней души не чает. Все ее прихоти удовлетворяет. Недавно вот машину даже подарил.

– Так это правда? – вырвалось у Инны.

– Что именно?

– Ну, говорят, что ваша дочь сама ездит в школу за рулем.

– А, это... Да, правда. Ее Коленька научил водить. У нее прекрасно получается. Он говорит, что она как будто родилась за рулем!

– А как же права? – тупо спросила Инна. – Их же с восемнадцати лет выдают...

– Милочка, но это же такая проформа! – махнула рукой Манойлова. – Эвелина прекрасно водит машину. Ей нравится это занятие, так почему бы не дать ей такую возможность? А права она в восемнадцать получит.

– И какая же у нее машина? – вздохнув, спросила Инна.

– «Инфинити». Коленька ей предлагал что-нибудь более женское, но она наотрез отказалась. Мол, хочу «Инфинити», и все тут.

Подивившись особенностям семейной педагогики Манойловых, Инна решила перейти к делу. О жизни своей собеседницы она слушала примерно с час, периодически задавая уточняющие вопросы и, как примерная ученица, записывая ответы в толстую школьную тетрадь в клетку. Пользоваться диктофоном она не любила.

Глава 7

Служил Гаврила музыкантом

*Если вам говорят: «Мое богатство нажито тяжелым трудом»,
спросите, чьим.
Дон Маркис*

Таисия Манойлова, в девичестве Крылова, действительно была просто создана для того, чтобы о ней писали. На ее примере можно было объяснять детям, что в жизни можно добиться всего благодаря лишь собственному упорству.

Когда она родилась, ее матери было уже тридцать шесть, а самому старшему из братьев – двадцать. К рождению десятого ребенка в семье брат как раз пришел из армии. Поглядев на многочисленное родительское потомство, в том числе на орущую в кроватке новорожденную Тасю, он, плюнув, завербовался на Север, к нефтяникам.

Своего старшего брата она видела всего один раз. Тогда украшенная белыми бантами Тася вернулась с первого в своей жизни школьного урока и обнаружила в их тесной шумной квартире высокого молодого мужчину, который с брезгливым любопытством разглядывал облезлые обои, потрескавшиеся стулья и обшарпанного коня-качалку, на котором раскачивался младший Тасин братик – трехлетний Павлуша. В кроватке у окна гукала полугодовалая Олька.

– Все нищету плодите, – презрительно сказал мужчина, обращаясь к хлопотавшей у стола матери. – Ты посмотри на себя! Сорок три всего, а на древнюю старуху похожа.

– Ну что ты, Коленька, – стыдливо улыбнулась мать. – Дети – это счастье. Разве плохо мы вас воспитывали? Ты вот живешь обеспеченно, даже деньги нам присылаешь... Марина сама уж двоих спиногрызов растит. Муж у нее хорошо зарабатывает. Пьет, правда, так ведь кто нынче не пьет? Илюша военное училище закончил. На Байконуре служит. Маша в институте учится. На вечернем, это да. Нам ее не выучить. Она уж невеста совсем, двадцать один год, красавица. Придет со смены – увидишь.

Игорек в армию ушел два месяца назад. Ангелинке шестнадцать, в техникуме на повара учится, мне смена растет. Ванька – оболтус, конечно. Учиться не хочет, вечно на него в школе жалуются. Говорят, проблема переходного возраста у него. А я не знаю, что и думать, ты бы поговорил с ним, а то отец скоро заперет его совсем. Тринадцать лет парню, а ума совсем нет. Со шпаной связался. Зато Еленка у нас отличница. В своем пятом классе – самая лучшая ученица. Валюшка в третий пошла, а Таська в первый. Вон она, кстати, из школы вернулась. Иди, Тасенька, поздоровайся с братом.

Николая девчушка сначала испугалась, уж больно зло сказал он матери, что выглядит старухой. Но с ней, Тасей, брат был ласков, подарил большую куклу, настоящую, как у подружки по подъезду.

Вообще-то куклу Тася робко попросила в прошлом году у матери на день рождения. Ей никогда не дарили подарков, каждый год просто давали по рублю. А тогда Тасю ждала кукла в коробке.

Затаив дыхание, она сняла крышку и собрала в кулак всю свою волю, чтобы не зарыдать. Кукла оказалась тряпичной. К мягкому тельцу было приделано глиняное лицо с глупыми круглыми глазами и ртом-пуговкой. Совсем не о такой кукле мечтала маленькая Тася.

Не сдержав отчаяния, она с размаху швырнула подарок в угол. У куклы откололся кусочек носа. А Тасю, несмотря на день рождения, выпороли, и в этом году снова подарили рубль, который она потратила на целый кулек конфет-леденчиков. Весь двор называл их голышами –

конфеты продавались без обертки, и кулька Тасе хватило на целую неделю, несмотря на то что с братьями и сестрами она все-таки немножко поделилась.

А Николай привез ей настоящую куклу. Пластмассовую, со сгибающимися ручками и ножками. В красивом голубом платье с оборками и маленьких башмачках, которые снимались с ножек. Из-за этой куклы Тася прониклась к брату такой горячей любовью, что накануне его отъезда даже не спала ночь – рыдала от горя, что он уезжает. Больше увидеть его ей так и не довелось, года через два брат погиб в автомобильной катастрофе. На похороны летал один отец. Билет на самолет стоил дорого.

– Эта кукла, а вместе с ней и брат, были одним из самых сильных воспоминаний в моей жизни, – рассказывала Таисия Архиповна Инне. – Когда у меня сын родился, я его в честь брата Коленькой назвала.

Тася училась в третьем классе, когда у нее родился еще один брат – Никита. Мать звала его Китенок. Она словно обрела заново всю ласку и заботу, которые уж было растратила на двенадцать старших детей. Никита был ее отрадой, светом в окошке, хотя на трехлетнюю Ольку и шестилетнего Павлушу она не обращала практически никакого внимания. Братом и сестрой занималась Тася.

Беда пришла спустя четыре года. Мать оставила Никиту в сквере у магазина. Послушный мальчуган, никогда не отходивший от скамейки дальше чем на четыре шага, решил отправиться вслед за ней. Мать, возвращаясь обратно, даже увидела, как он приблизился к дороге и шагнул на проезжую часть. Ее крик потонул в отчаянном скрипе тормозов...

До девятого дня мать не сказала ни слова. Она словно окаменела, и тринадцатилетняя Тася с опаской смотрела, как она бродит по квартире, прижав к себе поношенную и застиранную курточку младшего сына. Съездив на кладбище, мать молча ушла из дома и больше не вернулась. Ее тело через две недели нашли водолазы.

– Вы знаете, Инночка, я ведь мать так и не простила, – задумчиво сказала Манойлова, глядя сквозь Инну в морозное окно. – Нас у нее было тринадцать. Конечно, к тому времени Николая не было в живых, у Марины своя семья, Илюха уже капитаном был, Машка учительницей в деревенской школе работала, Игорь на заводе вкалывал и в общежитии жил, не с нами, Ваньку в первый раз посадили... Но нас с ней дома оставалось пятеро, и Олька была маленькая совсем, только-только в школу пошла. А мать, имея двенадцать детей, из которых пятерым еще требовалась ее помощь, не смогла пережить гибели тринадцатого. Бросила нас.

Отец через год совсем спился. Ленке стукнуло восемнадцать, ей надоело нас на себе тащить, и она переехала в Череповец, устроилась там на металлургический комбинат. Вальку дома оставили, ей, слава богу, тогда уже шестнадцать исполнилось, а меня, Павлушу и Олю отправили в детдом. Так что школу я уже там заканчивала.

– Ужас какой! – сказала Инна, у которой от этого рассказа даже мурашки по спине побежали. – А почему старшие сестры не взяли вас к себе?

– А вот этого я уже им никогда не прощу, – спокойно произнесла Манойлова. – Когда меня в детдом оформляли, Маринке тридцать два было. Конечно, у нее свои дети почти моего возраста, но я же у нее в ногах валялась, чтобы она над нами троими опекунство оформила! Обещала, что мы по-прежнему будем у себя жить. Что с Валькой будем и квартиру прибирать, и еду готовить, и с младшими уроки делать. А сестрица моя сказала, что если бы она хотела брать на себя такую ответственность, то своих бы нарожала. А Машка к тому времени тоже замуж вышла, у нее как раз ребенок родился, молока не хватало, у малыша диатез... В общем, ей тоже оказалось не до нас. Так что я выросла с убеждением, что никому не нужна. Ни матери, ни сестрам.

– И вы никогда больше всей семьей не собирались?

– Никогда. Мама умерла, и семьи не стало.

– Неужели вы даже не знаете, где они, что с ними?

– Почему не знаю? Знаю. Как я на ноги встала, как у меня бизнес пошел, так почти все мои родственники начали меня находить. Марине сейчас семьдесят три. Она лет пять назад звонила, жаловалась, что пенсии не хватает, что у дочери ее жизнь не сложилась, в разводе она. Просила помочь. А я ответила, что если бы хотела содержать дом престарелых и неудачников, то учредила бы такой фонд. И попросила больше мне никогда не звонить.

Илюша в Афгане погиб. Машку и ее двоих детей муж убил, пьяный топором зарубил. Это давно было, я тогда только-только школу закончила. Игорь от инфаркта умер в сорок лет. Ангелинка жива, ей уж шестьдесят четыре. Она на Украине живет, замуж туда вышла. Мы раньше к ней летом ездили. У нее там собственный дом с садом. Она баба хорошая.

Ванька у нас уголовник. По тюрьмам и зонам лет тридцать провел. Лена так в Череповце и прижилась. Видимся мы с ней редко, созваниваемся раз в месяц, весной к ней на юбилей поеду. С Валюхой мы и не расставались. Она меня в детдоме проводывала, подкармливала. Ей нелегко пришлось, она, как и я, сама в жизни пробивалась. С шестнадцати лет работала. Вот уж два года на пенсии. Я ей дачу купила, она огород разбила, в земле копается. Нравится ей это очень.

Павлик в Китае живет. Он электроникой занимается. Электронные табло в автобусах видела? Так вот, это его. После детдома смог и институт закончить, и диссертацию защитить. С ним мы всегда видимся, когда он в Россию приезжает. А Ольку в детдоме удочерили. Она красивая очень была девочка, послушная, тихая и умненькая. Я ее, как ни искала, найти так и не смогла.

– А мне всегда казалось, что большие семьи очень дружные, – сказала Инна. – Я сама-то единственный ребенок у мамы и всегда в детстве мечтала, чтобы у меня был брат или сестра.

– А я в детстве всегда мечтала, чтобы в комнате тихо было, когда я уроки учу, – засмеялась Манойлова. – А то я за учебники, а младшие в прятки играют, а старшие музыку слушают. Дурдом.

Закончив школу, Тася поступила в строительный техникум. Ее любимым предметом всегда было черчение, так что училась она с упоением и зарабатывала вторую стипендию, выполняя сложные чертежи для однокурсников.

Ее ближайшая подружка встречалась со студентом-физкультурником. Именно он как-то привел к ним в комнату своего соседа по общежитию. Звали его Гаврила Манойлов, и учился он на самом немужском факультете местного института – музыкально-педагогическом.

Молоденькую Тасю совершенно заворожили слова, которые сами по себе уже звучали как музыка: Шопен, Людвиг ван Бетховен, Аппассионата, аллегро... Гаврила казался ей чужаком из другого мира. А еще он проникновенно читал мудреные стихи, смысла которых Тася не понимала.

Марш Мендельсона (по словам Гаврилы, у него была еще одна фамилия – Бартольди) прозвучал для Таисии, когда ей было девятнадцать.

– Коленька у нас родился спустя три года. Мы к тому времени уже оба институты окончили. Гаврила в школу распределился. Ему, как отличнику круглому, удалось выбить распределение в городе. Я в строительный трест устроилась. У меня зарплата даже побольше, чем у него, была. Да и квартиру нам довольно быстро, благодаря мне, дали.

Мы с ним хорошо жили, мирно. Он в семье за духовное отвечал: Коленьку по театрам водил, по музеям, книжки ему читал, репродукции в журналах разглядывал. А я по материальной части была: домой сметную документацию брала, подрабатывала в трех местах, чтобы денег заработать. Обычная семья, как у всех.

Мне всегда хотелось иметь только одного ребенка. Многодетность я на дух не переносила. Как видела на улице женщину хотя бы с тремя детьми, так прямо до рвотных спазмов... Но когда почти в сорок лет забеременела, подумала и решила ребенка оставить. Коленька уже

школу заканчивал. Гаврила тоже был не против. Он-то всегда детей любил. Дочку очень хотел. Так у нас Эвелина родилась.

А времена были тяжелые, голодные. Я пока в декрете сидела, по сторонам-то огляделась и стала челноком в Польшу ездить. За год мы квартиру обставили, ремонт сделали, а потом я проанализировала, что и как, и со шмоток на стройматериалы перекинулась. Смекнула, что за ними будущее.

– А муж вам помогал? – спросила Инна, вспомнив разговор с Головко.

– Гаврила-то? Нет, его моя деятельность страшно бесила. Он кричал, что я спекулянтка, отказывался жить на деньги, заработанные нечестным путем, и все время боялся, что за мной придут. Ну, а когда бояться надоело, он просто от меня ушел.

– А как же дети?

– А что дети? – Манойлова пожала плечами. – Эвелине к тому моменту уже пять исполнилось, а Коленька институт закончил. Он мне так во всем помогал... И с дочкой, и с бизнесом... При таком сыне никакого мужа не надо.

– Ну, сын мужа не заменит.

– А-а-а, вы про любовников? Так они у меня всю жизнь были и сейчас есть. Гаврила мой был человек высокоинтеллектуальный. Его проза жизни очень мало волновала во всех ее проявлениях. Как период стихотворной читки кончился, так и интерес у него ко мне угас. А я женщина темпераментная. Но интересы тела от интересов семьи всегда отличала.

Раздались шаги, и в арке, соединяющей кухню с гостиной, появился Коленька Манойлов. Инна снова подивилась его несколько несурзной внешности. Невысокий, щупловатый, в очках, которые ему удивительно не шли, он никак не ассоциировался с успешностью и богатством.

– Ой, сыночек пришел! – заулыбалась Таисия Архиповна. – А мы как раз с Инночкой вроде бы разговор закончили. Готовы попробовать твою оленину.

– Прекрасно, – молодой человек галантно поклонился Инне. – Окажите нам честь, отобедайте с нами!

«Боже мой, какие церемонии!» – подумала Инна, но благосклонно приняла приглашение.

Глава 8

Урок от настоящего джентльмена

*Не сравнивай свою жизнь с чьей-то. Ты и понятия не имеешь,
что они испытывают на самом деле.*

Регина Бретт

В мгновение ока Манойлов накрыл на стол. На нем появилась белая скатерть, салфетки, отороченные вологодским кружевом, хрустальные бокалы и серебряные вилки. Коленька повязал смешной ситцевый фартук, а за ворот белоснежной рубашки заткнул салфетку. Инна, не выдержав, прыснула.

Стерва Эвелина к столу выйти отказалась.

– Ты меня еще с прислугой обедать заставь! – крикнула она матери. Так громко, что Инна ни на секунду не усомнилась, что это было сделано специально для того, чтобы услышали все.

– Оставь ее, мама, пусть сидит голодная. Проголодается – поест, – пожал плечами Коленька.

Беседа за столом оказалась на удивление увлекательной. Манойлов отлично разбирался в современной литературе, зачитывался Пелевиным, отдавал должное Улицкой, был ярким поклонником творчества Татьяны Толстой и вообще производил впечатление по-настоящему интеллигентного человека.

Уписывая за обе щеки потрясающе нежное мясо, Инна думала, что ей давненько не было так интересно. После обеда она вместе с Таисией Архиповной отправилась на экскурсию по дому – фотографировать интерьеры.

В комнатах, в отличие от кухни, явно преобладал вкус маменьки: лепнина на потолке, плотные шторы с кистями, тяжелая мебель из натурального дуба, огромное количество статуй, картин в резных позолоченных рамах. От всего веяло роскошью, запахом больших денег и полным отсутствием вкуса.

Инна фотографировала хозяйку в разных ракурсах. Манойлова меняла костюмы, переодеваясь в роскошной спальне, где на огромной трехспальной кровати лежало постельное белье с ягуаровой расцветкой. Белью Инна подивилась отдельно.

– А почему Николай Гаврилович не женат? – выждав момент, спросила она. Щуплая фигура Коленьки Манойлова казалась ей чрезвычайно любопытной.

– Не может найти женщину, которая заставила бы его потерять голову. Это он так говорит, – охотно поддержала тему Манойлова. Разговор о сыне явно доставлял ей удовольствие. – Кроме того, он такой порядочный. Эта бабенка с двумя детьми, ну, я вам рассказывала, учительница, вцепилась в него мертвой хваткой. А он не считает возможным ее бросить. Говорит: «Мама, она без меня пропадет». Как по мне, так это он скоро пропадет.

– А живет он с вами?

– Да, с нами. Нет, у него, конечно, есть своя квартира в городе. Я, упаси бог, не ханжа, понимаю, что молодому мужчине нужно иметь место, куда удобно привести подружку. Да и у этой своей, – Манойлова поджала губы, – он пару раз в неделю остается, но постоянно живет здесь, в «Сосновом бору». И нам с Эвелиной спокойнее, и ему удобно. Он, знаете, Инночка, удивительно ко мне привязан.

– Он такой тихий, вежливый, воспитанный... – вслух подумала Инна. – Как же он бизнес ведет?

– Ну что вы, деточка! – с жаром возразила ее собеседница. – Коленька очень хороший бизнесмен. Деловой и собранный. Разве бизнесом могут заниматься только хамы? Он прекрасно ладит с людьми, но, где надо, проявляет жесткость и принципиальность. Это далеко

не всем нравится. Вот, к примеру, недавно у него сожгли «Лексус». Вы представляете? Коленька расстроился, как ребенок. Машины – его страсть.

– Так, значит, страховку именно по его «Лексусу» недавно выплатила фирма «Берег»? – осенило Инну.

– Да, по его. Хорошо, что он застраховал машину. Удалось избежать денежных потерь. Он у меня такой предусмотрительный. И вообще очень хороший мальчик.

«Хороший мальчик» в это время сидел в своей комнате в наушниках и слушал музыку. Увидев стоящую на пороге Инну, он вскочил и резко выдернул штекер из компьютерного гнезда. По комнате понеслись звуки «Лунной сонаты».

– Любите классику? – спросила Инна, которую развеселило его смущение.

– Да, – он улыбнулся, и глаза за стеклами очков стали совсем беззащитными. – У меня папа учитель. Я вырос на настоящей музыке.

– Можно вашу комнату сфотографировать? – спросила Инна. Это оказалось единственное помещение, кроме кухни, где ей по-настоящему понравилось. Комната была отделана в стиле хай-тек и радовала обилием стекла и хромированного металла, света и воздуха.

– Конечно, – он снова застенчиво улыбнулся. – А взамен вы позволите проводить вас до дома?

– Я на машине, – пожала плечами Инна.

– Значит, мы поедем на вашей машине, а потом я вызову такси. Хорошо? Мне кажется, мы не договорили.

Инна согласилась и попросила проводить ее в комнату Эвелины. Та фотографировалась охотно, но вела себя по-прежнему грубо. Коленька, как мог, сглаживал колкости младшей сестры, Инна от души развлекалась. Комната юной стервозы тоже была вся в рюшечках, оборочках, мягких игрушках, вензельках и завитушках. Вкусом Эвелина Манойлова явно не блистала.

В общей сложности Инна провела в «Сосновом бору» более трех часов. «Пора и честь знать», – подумала она и поинтересовалась у Коленьки Манойлова, не передумал ли он ее провожать.

– Ну что вы! – вскричал он и покрылся ярким румянцем. Инна снова против воли рассмеелась.

Попрощавшись с Таисией Архиповной, которая расцеловала ее в обе щеки, Инна вышла на крыльцо и сощурилась от яркого снега.

– А зачем вам такой гараж большой? – спросила она у Коленьки, который торопливо натягивал дубленку.

– У нас машин много, – ответил он, не попадая в рукава. – Я машинами увлекаюсь, у меня их несколько. «Крайслер» есть, «Линкольн», «Додж», «Феррари», «Ламборджини». Вот об «Альфа–Ромео» я еще только мечтаю. С учетом, что в гараже и Эвелинкина машина стоит, и мамина, он, конечно, должен быть очень вместительным.

– А зачем вам столько машин, да еще таких дорогих?

– Страсть. Я ведь их часами могу мыть, полиролем натирать, в салоне сидеть и с ними разговаривать.

– Да-а-а, при таком подходе вам, наверное, «Лексус» до слез жалко?

Лицо Коленьки на мгновение застыло, но он тут же рассмеялся:

– Узнаю маму. Сразу готова поделиться семейными переживаниями. Жалко, конечно, но сами понимаете, безлошадным я не остался. Знаете что, давайте, когда вы приедете в следующий раз, я вам покажу всех своих красавиц.

– Не уверена, что это будет удобно, – заметила Инна. – Таисия Архиповна меня больше не приглашала.

– Ну так я приглашаю! – воскликнул Коленька, протер очки и снова нацепил их на нос. – Я, как-никак, хозяин в этом доме.

– Тогда я принимаю приглашение и обязательно приеду еще раз. Я тоже очень люблю автомобили.

– Я знал, знал! – с воодушевлением вскричал Коленька. – Я был уверен, что мы с вами очень похожи! Не зря же вы мне сразу так понравились.

Из «Соснового бора» они выехали в полном молчании. Инна обдумывала, как бы полочее расспросить про сожженный джип. Ее репортерская интуиция подсказывала, что это может быть весьма увлекательная история.

– Я видела вас на похоронах Карманова, – начала она издалека.

– Да, он был моим страховым агентом. Отличный мужик – толковый, обстоятельный. Хорошо разбирался в своем деле. Но близко я с ним знаком не был. Так что удовлетворить ваш профессиональный интерес не смогу. Знаете что, давайте лучше про Новый год поговорим. Вы этот праздник любите?

– Люблю, – призналась Инна. – А в последние годы особенно. Новогодние каникулы – это так здорово! Я словно в школьные годы вернулась. Когда целых две недели можно ничего не делать.

– Ничего не делать – это скучно, – улыбнулся Манойлов. – Поэтому я готов составить для вас индивидуальную программу развлечений на все две недели. Хотите?

– Да в общем-то у меня такая программа уже составлена. Походы в гости, катание с дочкой на лыжах, обязательное валяние в кровати перед телевизором... В общем, настоящий отдых в моем понимании этого слова.

– А сколько вашей дочке? – заинтересовался Коленька.

– Четырнадцать. Чуть помладше вашей Эвелины.

– Большая уже. Вы знаете, у меня есть одна знакомая, она учительница в школе, так вот, у нее двое детей. Мальчику десять лет, а девочке шесть. Они так умильно ждут Нового года! Записочки пишут и под елку складывают. Вечером кладут, а утром смотрят – если бумажки нет, значит, Дед Мороз приходил и просьбу запомнил.

– И что в записках?

– Ну, что у всех. Барби, лего, сони плей стейшн, конфеты.

– И как учительница собирается превратиться в Деда Мороза, с ее-то зарплатой?

– Никак. Дедом Морозом буду я. И затею эту с письмами я придумал. Они чудные ребятки, когда же еще радоваться жизни, как не в детстве?

– А сестра ваша тоже пишет Деду Морозу записки с просьбами?

– Нет, – засмеялся Коленька. – Она прямо и неловко заявляет мне, что хочет в подарок. В этом году я должен ей подарить литые диски на ее «Инфинити».

– Странное желание для пятнадцатилетней.

– Не осуждайте, – попросил Коленька. – Она хорошая девочка. Чтобы выдержать испытание богатством, нужно иметь жизненный опыт. А на нее богатство свалилось, когда ей пять лет было. Повзрослеет – все поймет.

– Ну-ну, – недоверчиво сказала Инна, вспомнив капризную Эвелину с бутылкой «Бейлиса» в руках. – Спасибо вам, Николай, мы приехали. Следующий дом мой. Давайте я сама сяду за руль. Совершенно не нужно, чтобы вас видел мой муж.

– До свидания, Инна, – Манойлов чуть дольше, чем нужно, задержал ее руку в своей. – Я повторяю свое приглашение. Приезжайте к нам еще, я покажу вам свои машины.

– Обязательно, – пообещала Инна, и он, грустно улыбнувшись, выскочил из теплого салона на мороз.

Без подарка

Почему Дед Мороз не приходит к взрослым?

Потому что они ждут в подарок то, чего он дать не может.

Что мы просили, когда были детьми? Калейдоскоп с цветными стеклышками. Бумажную куколку с разноцветьем платьев. Килограмм конфет «Мишка на Севере». Много-много мандаринов.

Дед Мороз пыхтел в седую бороду, но легко исполнял наши желания.

Что просят у Деда Мороза наши дети? Новый мобильный телефон и блютуз к нему. DVD. Велосипед. Роликовые коньки. Или нет, нынче в моде фигурные. Хотя это неважно.

Дед Мороз пыхтит в седую бороду. Кряхтя, пересчитывает в кошельке небогатую наличность. Но все-таки худо-бедно справляется с поставленными задачами.

Что можем попросить мы, взрослые? Новую квартиру или сверкающую иномарку? Шубу из натурального меха или колечко из натуральных же камней?

Если бы все было так просто, Дед Мороз пыхтел бы в седую бороду, грозно ворчал на наше златолюбие и корысть, но все-таки обеспечивал желаемое. Хотя бы раз в десять лет.

Но мы, умудренные жизненным опытом, хотим совсем иного.

Здоровья, которое с каждым годом кажется все большей ценностью. Чтобы как можно дольше были живы родители. Чтобы любовь оставалась неизменной, несмотря на приближающуюся хрустальную свадьбу. Чтобы прохожие на улице все еще принимали за девушку. Чтобы сын выбрал достойную профессию и состоялся в жизни.

Чтобы все полеты на самолете для тех, кого любишь, заканчивались мягкой посадкой, а поездки в автомобиле – благополучным прибытием в пункт назначения.

Чтобы все те, кого ты любишь, любили тебя. Хоть немного, но искренне.

Чтобы друзья не разводились. Чтобы у подруг рождались дети.

Дед Мороз обиженно пыхтит в седую бороду. Он не приходит к нам с тех пор, как мы стали взрослыми. Он не приходит к нам с тех пор, как мы научились загадывать такие желания.

Почему? Потому что он – не Господь Бог.

Инесса Перцева, газета «Курьер»

Глава 9

Первое января дарит сюрпризы

*Знай, что вовсе не обязательно соглашаться с собеседником,
чтобы найти с ним общий язык.*

Маргарет Тэтчер

Первого января Инна лежала на кровати, лениво щелкала пультом, перескакивая с одного новогоднего фильма на другой, и вяло думала, что начало года явно не задалось.

Нет, вчера в гостях у Игоря Стрелецкого все было просто замечательно. Они до отвала наелись всяких вкусностей, попробовали все виды дорогого алкоголя, который Игорь щедро запас на праздник, в том числе шотландский виски Laphroaig 40 у.о. крепостью 42 градуса и стоимостью более пятидесяти тысяч рублей за бутылку в 0,7 литра, долго шуршали подарками. К слову, Инне досталось премиленькое колечко с бриллиантом от Гоши, очень стильный ежедневник с обложкой из буйволиной кожи от Стрелецкого, жасминовый гель для душа от мамы и набор для фондю от подруг. Она как-то мимоходом заметила, что никогда не готовила фондю, и вот теперь Алиса, Настя, Лелька и Наташка купили ей фондюшницу с намеком, что на Рождество она должна будет ее опробовать.

Дети барахтались во дворе в снегу у живой елки, в два часа ночи Стрелецкий и Гоша с таинственным видом заявили, что у них есть сюрприз, и выволокли всех на улицу, где устроили совершенно невообразимый фейерверк. В общем, к четырем часам утра все собравшиеся были неопишимо пьяны, счастливы и уверены, что отлично встретили Новый год.

Вся компания завалилась спать там же на даче и только около полудня разъехалась по домам, позавтракав остатками новогоднего пиршества. Алиса, правда, приглашала остаться еще на денек, но Инне почему-то ужасно захотелось домой.

Загрузив свое семейство в машину, она отвезла по месту назначения маму, выкинула у кинотеатра Настену, поскольку та собиралась вместе с подружками посетить какую-то новомодную премьеру, милостиво отпустила Гошу к друзьям по хоккейной команде, полностью отдавая себе отчет, что он вернется домой поздно и «на бровях», если, конечно, вообще вернется, а сама плюхнулась в постель и включила телевизор.

«Ванну, что ли, принять? – лениво думала Инна, наблюдая за жизненными перипетиями «Внучки Президента». – А что, богатая мысль – полежать в пене, а потом вылить в вазу бутылку мартини, набухать туда льда и потягивать через трубочку. К полуночи как раз все поллитра и уговорю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.